

Л. МАРИ АДЕЛАЙН

С·Е·К·Р·Е·Т

КНИГА 3

ЧТО ХОТЯТ ЖЕНЩИНЫ

НЕ ОСУЖДАТЬ. НЕ ЗНАТЬ ПРЕДЕЛОВ
НЕ СТЫДИТЬСЯ.

СТО ОТТЕНКОВ ЛЮБВИ. ЗАПРЕТНЫЕ УДОВОЛЬСТВИЯ

Сто оттенков любви. Запретные удовольствия

Л. Мари Аделаин

Что хотят женщины

«Азбука-Аттикус»

2014

УДК 821.111
ББК 84(7Кан)-44

Аделаин Л.

Что хотят женщины / Л. Аделаин — «Азбука-Аттикус»,
2014 — (Сто оттенков любви. Запретные удовольствия)

В этой книге общество «С.Е.К.Р.Е.Т.» откроет все свои тайны. Кэсси Робишо наконец находит любовь, о которой мечтала всю жизнь. Мужчину своей мечты. Уилла Форе. Находит и тут же теряет. Узнав, что Кэсси – член общества «С.Е.К.Р.Е.Т.», где женщина может воплощать свои сексуальные фантазии, Уилл рвет с ней отношения. Сможет ли безутешная Кэсси успокоить свое сердце, помогая новым членам общества? Забудется ли она в новом любовном увлечении? Сможет ли простить Уилла, когда он поймет, какую ошибку совершил? Взрывной финал феноменальной трилогии. Впервые на русском языке!

УДК 821.111
ББК 84(7Кан)-44

© Аделаин Л., 2014
© Азбука-Аттикус, 2014

Содержание

Пролог	7
Глава первая	10
Глава вторая	25
Глава третья	33
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Л. Мари Аделайн

Что хотят женщины

С.Е.К.Р.Е.Т. Книга 3

Посвящается Лизе Лаборд, с любовью и благодарностью

L. Marie Adeline

S.E.C.R.E.T. REVEALED: A SECRET NOVEL

Copyright © L. Marie Adeline, 2014

© Т. Голубева, перевод, 2015

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

* * *

Она исключает слово «случайный» из словосочетания «случайный секс», наполняя сцены с героями, которые больше никогда не увидятся, подлинной эмоциональностью и физической притягательностью.

USAToday.com

«С.Е.К.Р.Е.Т.» позволит вам почувствовать себя богиней.

Romantic Times

Почему вы решили написать роман под псевдонимом и как вы выбрали его?

В своем решении остаться анонимной я исходила из того, что у читателя должно сложиться непредвзятое мнение по отношению к роману, на которое не влияет имя автора. Чем меньше читатель думает об авторе, тем лучше. Но чем популярнее становился роман, тем сложнее было скрывать свое имя.

Аделайн – это девичье имя моей бабушки, родившейся в 1899 году и отличавшейся весьма строгими взглядами в вопросах секса. Когда я посоветовалась с сестрой, не оскорбит ли родственников, если я напишу эротический роман под именем бабушки, сестра ответила: «Нет, это будет забавно».

Какой урок читатель сможет извлечь из романа «С.Е.К.Р.Е.Т.»?

Я надеюсь, что эта книга пробудит сексуальные фантазии, что у читателя изменится взгляд на эротику, он станет более радостным и несерьезным. Ведь с моей точки зрения, эротические отношения таковы, что в них женщина должна контролировать ситуацию, а мужчина с энтузиазмом участвовать в них.

Что вас наиболее поразило, после того как вы напечатали «С.Е.К.Р.Е.Т.»?

Я никогда не думала, что книга будет продаваться более чем в тридцати странах. Мне казалось, что, зайдя в местный книжный магазин и увидя книгу, я тихо скажу: «Это написала я». И никто мне не поверит. Я никогда не думала, что книга будет встречена с таким энтузиазмом.

Из интервью с автором романа «С.Е.К.Р.Е.Т.»

ДЕСЯТЬ ШАГОВ

Шаг первый: Капитуляция

Шаг второй: Смелость

Шаг третий: Доверие

Шаг четвертый: Великодушие

Шаг пятый: Мужество

Шаг шестой: Уверенность

Шаг седьмой: Любопытство

Шаг восьмой: Бесстрашие

Шаг девятый: Изобилие

Шаг десятый: Освобождение

Пролог Кэсси

Неужели прошла всего неделя? Всего неделя с того момента, когда я надела тот необыкновенный черно-белый кружевной бюстгальтер с такими же трусиками? Прижавшись ухом к двери, я прислушивалась к тому, как он поднимался, перешагивая через ступеньку, заставляя себя сосчитать до пяти после того, как он слегка сбился с шага, изо всех сил пытаясь выглядеть хоть чуть-чуть менее взволнованной из-за предстоящей встречи, чем это было на самом деле. Но меня хватило ровно на три секунды, после чего я распахнула дверь.

Это был мой Уилл, с пучком каких-то паршивых цветочков, явно прихваченных со столика в кафе.

– Это тебе, – сказал он, сунув цветы сначала мне под нос, а потом бросив их через мою голову на пол. – А это для меня, – добавил он, подхватив меня и перенеся на кровать.

Он бросил меня на покрывало. Я восторженно взвизгнула, когда Уилл дернул вверх мой бюстгальтер, сдвигая его с места, и поцеловал в живот. А потом я ослабела, наблюдая за тем, как один лишь вкус моей кожи воспаляет его, заставляет испытывать голод, делает грубым, что я находила мучительным и невероятно волнующим. Тот звук, который вырвался из горла Уилла, когда он наконец расстегнул мой бюстгальтер и отшвырнул его в сторону... Я буквально впитывала его.

– Это все настоящее? – спросил он, охватывая ладонями мою грудь.

– Ну, я подумывала насчет имплантов, но я просто не из таких женщин, понимаешь? – ответила я, лениво проводя пальцами по его густым темным волосам.

Но Уилл был не в том настроении, чтобы его можно было отвлечь шуткой. Мы ведь больше не были просто друзьями. Мы были любовниками. И Уилл утопал во мне, в моем теле, волосах, в моей коже. Я была океаном, позволявшим желанию плескаться вокруг, и моя кровь неслась толчками, заставляя подрагивать ноги, вызывая боль в тех местах, которых вскоре должен был коснуться Уилл. Он стянул с меня трусики и не глядя забросил их куда-то через мою голову. Они ударились об оконное стекло и упали на пол. Уилл оглядывал мое тело так, словно это был банкетный стол, не зная, с чего ему начать. Но его руки действовали сами собой, в особенности пальцы, и они уже скользили по изгибам моих бедер, направляясь туда, где скопились влага и ожидание.

– Я так отчаянно тебя хочу, – пробормотал Уилл, прижимая к моей коже горячую ладонь, направляя палец внутрь...

Потом были и еще какие-то слова, только я их не помню. Мои глаза были закрыты, кровь теперь колотилась в ушах, и предвкушение было настолько мощным, что я закинула руки за голову, преподнося свое тело Уиллу как некий дар, просто чтобы посмотреть, что он станет с ним делать. А он перевернул меня на живот, лег сверху и укусил за щеку, не слишком сильно, но достаточно для того, чтобы оставить на мне свою метку. Я слышала, как он срывает с себя одежду. А потом Уилл стиснул мои бедра и приподнял меня, чтобы легче было войти. Я лежала, вытянув руки, прижавшись щекой к подушке. Я чувствовала его нарастающую эрекцию и слегка шевелилась, ожидая, – уже разгоряченная, уже полная жажды ощутить его внутри. Я была как некий зверь, мои ногти царапали покрывало. А руки Уилла гладили мою спину, лаская пылающую кожу.

– Ох, Уилл...

Не в силах объяснить подобный голод, я просто отдалась ощущениям, когда он начал медленно входить в меня, опираясь ладонью о мое бедро, чтобы поддерживать равновесие, и ясно было, что он на грани полного безумия. Но прежде всего я помню то его безупречное

неторопливое скольжение внутри меня, а потом – отчаянную боль, когда он вышел. Снова и снова он входил в меня, и я начала стонать в ответ на его движения, а может быть, это он двигался в ритме моих стонов. Кто знает? Мои ноги сами собой раскинулись шире, спина выгнулась. Я ощущала, как большие пальцы Уилла вдавливаются в мои бедра, а потом оглянулась через плечо, чтобы увидеть его лицо – такое решительное, такое потрясающее. Наверное, мне захотелось вывести его из транса, потому что иначе зачем бы еще я сказала это? Зачем бы попросила крепко шлепнуть меня? Уилл замер.

– Сделай это, – прошептала я из-под волос, упавших мне на лицо.

Мне никогда прежде ничего такого не приходило в голову. Но мы находились теперь в другой реальности, в зверином мире, и я чувствовала именно это. Уилл осторожно, ласково шлепнул меня и тут же погладил это место, и я наслаждалась новым ощущением, тем, что его удар заставил вибрировать что-то в самой глубине моего естества, там, где моя плоть сжималась вокруг его двигающегося члена.

– Да! Еще! – приказала я, теперь уже вжавшись лицом в покрывало, с закрытыми глазами.

Да что такое со мной происходит?

Но Уилл уже окончательно погрузился в ритмичное движение. Он врвался в меня с такой силой, что я ничего бы уже не могла изменить, как бы ни старалась. Я попыталась сама погладить свой напряженный клитор, желая скорее достичь пика, но Уилл резко оттолкнул мою руку и прижал палец к чувствительной точке, и это было потрясающе. Я вцепилась в покрывало и стала интенсивно двигать бедрами, когда ослепительные звезды вспыхнули перед моими глазами.

– Ты такой сильный, – пробормотала я, и тут оно и началось: горячая волна оргазма обожгла меня, вздымая над землей все выше и выше, и я выкрикивала: «Ох, да, боже, да, ох, Уилл...», а он вторил мне: «Ох, боже, Кэсси, я готов...» – и успел выскочить наружу как раз вовремя, чтобы излить свою страсть мне на спину... Мы оба прекрасно знали, что нужен был презерватив, но бывают ведь моменты, когда просто не до того, чтобы думать о предосторожностях. Уилл принадлежал мне, а я принадлежала ему. Я выбрала его, а он выбрал меня. Мы принадлежали друг другу. И если возможны были некие последствия, мы их принимали. После нескольких секунд сотрясающего наслаждения Уилл упал на меня, прижимая к себе, задыхаясь и смеясь оттого, что ему настолько повезло.

– Ну, чтоб тебе... чтоб тебе, – прошептал он, уткнувшись губами в мое ухо.

– Да уж, – ответила я, на секунду крепко закрывая глаза и благодаря всех богов секса за этого мужчину.

– Ну и откуда это взялось?

– Откуда взялось – что?

Я уже совершенно забыла, что просила моего нежного Уилла ударить меня.

– Да вот твоё «шлепни меня», – ответил он, все еще слегка задыхаясь, но теперь уже осторожно сползая с моей спины, чтобы лечь рядом.

Я перевернулась на бок, лицом к нему, и моя ладонь скользнула к той части живота Уилла, которая мне нравилась больше всего, той части, которая была еще липкой от нашего общего пота. Я подумала о том, что угли нашей дружбы тлели так долго, что я уже стала беспокоиться о том, что они никогда не разгорятся по-настоящему и не превратятся в пламя между нами.

Но теперь я об этом не тревожилась.

– Не знаю, – сказала я, пожимая плечами. – Наверное... наверное, я просто одурела от желания. – Я засмеялась в подушку. Мои слова прозвучали так глупо! – А почему ты спрашиваешь? – поинтересовалась я, поднимая голову, чтобы глотнуть воздуха. – Тебя это пугает?

– О черт, нет! Я просто никогда не считал тебя поклонницей таких игр.

– Не знаю, можно ли меня так назвать, но – да, в тот момент... как-то оно так почувствовалось... Не знаю, как будто это было именно то, что нужно, чтобы добавить остроты.

– Ладно, на будущее я запомню эту приправу, – сказал Уилл, клятвенно поднимая руку с растопыренными пальцами, как бы подчеркивая, что оценил мою шутку.

И как только в моей голове мелькнула мысль, что мне отчаянно повезло в том, что мой милый друг Уилл оказался в постели со мной, он обхватил ладонями мое лицо и впился в мои губы долгим, горячим поцелуем.

Его губы на моих губах – это главное, что я запомнила о том дне.

– Кто бы мог подумать, что ты нечто вроде богини секса! – шептал Уилл, поглаживая мой подбородок.

Я откинула голову назад и засмеялась, потому что Уилл ничегошеньки не знал о С.Е.К.Р.Е.Т.

Но меньше чем через неделю Уилл узнал, как именно его так называемая богиня секса научилась этой божественности. И я осталась стоять одна в темном переулке возле Латробс-он-Роял. Уилл счел меня грязной шлюхой, запачканной запахами других мужчин, чужими наслаждениями, прикосновениями восьми разных мужчин, кроме него самого: и все они были из С.Е.К.Р.Е.Т., даже девять, если считать и Марка Друри, которого я завербовала.

И я перестала быть для Уилла богиней секса, а превратилась в опасную женщину.

И этот мужчина, который недавно не мог насытиться мной, теперь постарался сбежать от меня как можно быстрее...

Глава первая

Соланж

Я выросла в этом доме, а потому знала в нем каждую доску и каждый угол, каждый укромный уголок и каждую щелочку; знала все трещинки в черепице, оставшиеся после ураганов, которым не удалось сделать больше, чем слегка потрепать наружную обшивку; знала все расщелины, требовавшие замазывания цементом, на единственном каменном крыльце на Стейт-стрит. Я всегда обращала на них внимание, когда парковала свой «фольксваген» на мощенной булыжником подъездной дорожке. Мой отец купил этот образец в стиле «искусства и ремесла» у его первоначальных владельцев, и какое-то время мы были единственной чернокожей семьей на два квартала в аптауне. И потому я сначала обращала много внимания на то, чтобы поддерживать дом в таком же аккуратном состоянии, как это делал отец. Но потом я пустила дело на самотек. Что тут скажешь? Я была очень занята. Да и не была никогда слишком привержена правилам.

И все же, когда я подъехала к дому в тот теплый осенний день, я поняла, что тут что-то неправильно. Или что все слишком правильно, это уж как посмотреть. Расколотые черепицы на крыше кто-то заменил, и новые выделялись чуть более ярким цветом среди старых. Между каменными плитами крыльца виднелись темные полосы свежего цемента. Мой десятилетний сын Гас на выходные отправился к моему бывшему супругу, Джулиусу. Он говорил, что поможет мне со всеми ремонтными делами. Когда найдет время. Но я сказала «нет». Я сама все сделаю. Я в состоянии сама о себе позаботиться, большое спасибо.

Но между десятичасовыми рабочими сменами с раздражительными командами по сбору горячих новостей и подготовкой субботних выпусков я просто не имела времени на то, чтобы поискать надежную ремонтную компанию или просто поспрашивать на работе, не может ли кто-нибудь порекомендовать хорошего подрядчика. Таких нелегко было найти в Новом Орлеане, их так много было зарегистрировано и во время ремонтного бума, и при правительственных работах по восстановлению... А Джулиус вообще никогда не умел работать руками. Мой бывший муж был антрепренером, человеком творческим – по крайней мере, сам себя таковым считал. Так кто же, черт побери, все это сделал?! Уж конечно, если бы рабочих прислал Джулиус или нашел бы кого-нибудь, кто мог их нанять, он бы сообщил мне об этом.

Но только поставив машину на место, я заметила белый грузовичок перед своим домом, с длинной лесенкой. Кто-то там был... Я осторожно вышла из машины, не хлопнув дверцы. И тут же услышала звяканье металла на собственном заднем дворе.

Мои журналистские инстинкты заработали в полную силу. *Оставь сумочку в машине. Возьми только ключи. Будь готова забросить их подальше. Не входи в дом. Сначала осмотри все снаружи...*

Поскольку я была в туфлях на высоком каблуке, то пошла вокруг дома на цыпочках, попутно заметив, что подтекавшая водосточная труба тоже починена. *Вуу! Неплохо... И все же... Почему? И кто?*

Я посмотрела на другую сторону улицы. Сосед, доктор Франц, живший в кирпичном доме, построенном в колониальном стиле, мыл машину. Отлично, хорошо. Он может стать свидетелем, который услышит мой крик, если тот, кто находится на моем заднем дворе, колотя по чему-то железному, до этого вломился в мой дом.

«Динг-динг-динг, плинк-плинк-плинк...» Звуки не утихали. Слегка осмелев, я подошла к калитке и протянула руку, чтобы отпереть ее, но замок исчез, его просто сняли. У меня упало сердце. *Может, остановиться здесь и вызвать копов?* Я похлопала по карманам в поисках

телефона, но сообразила, что он остался в машине, в сумочке. Черт побери! Я ступила на лужайку, и мои каблуки провалились во влажную траву. Кто ее полил?

Осторожно заглянув за угол, я наконец увидела его: молодого человека перед портативным верстаком, колотившего по чему-то там. День был жарким для ноября, так что он снял рубашку, открыв широкую мускулистую спину, сильно загоревшую. Когда в полиции меня попросят описать этого человека, я скажу, что он, пожалуй, итальянец, грек или испанец, очень гибкий, с телом, более подходящим для танцора, чем для строительного рабочего. Нет. Я ведь не стану в полиции использовать термин «тело танцора», так? Мой рост без каблуков был пять футов восемь дюймов, и я решила, что в нем примерно пять футов одиннадцать дюймов. Большая голова с вьющимися черными волосами. Мускулистые руки. Впрочем, слово «мускулистые» при копах тоже лучше не произносить, незачем. Крепкие, возможно. Жилистые? Нет. Стоп. А зачем мне вообще описывать его руки? Ну да, они весьма хороши. Выглядел парень лет на двадцать пять, максимум на тридцать. Полинявшие рабочие штаны защитного цвета, обнаженный торс, белая футболка, свисавшая из заднего кармана...

Парень продолжал колотить по чему-то, лежавшему на верстаке. Его стройную талию охватывал специальный пояс, в котором крепились какие-то инструменты. Другие инструменты были аккуратно разложены на складном рабочем столике в задней части двора. *(Да, офицер, когда я увидела этого молодого гибкого итальянца с телом танцора, коричневой кожей, черными вьющимися волосами, стройными бедрами и невероятно сексуальными руками... Ну да, он ремонтировал мой дом. Арестуйте его.)*

Молодой человек выглядел совершенно спокойным. Дома. Дома у меня. Может, полиция не очень-то и нужна?..

– Эй! – (Он не услышал.) – Эй, привет! – крикнула я громче.

И тут молоток вырвался из его руки, взлетел в воздух и приземлился на траву едва ли в футе от меня.

– Святое дерьмо! – воскликнул парень, разворачиваясь. – Вы меня напугали!

– Я напугала вас? Вообще-то, это мой дом и мой задний двор, а вы тут колотите!

Я наконец-то внимательно всмотрелась в его лицо. Парень был не на шутку хорош собой, но черты у него были мягкими: приветливые карие глаза, пухлые губы... Он беспечно улыбнулся мне и вытащил из заднего кармана штанов футболку, чтобы утереть лоб.

– И давно вы тут стоите? – спросил он.

Лишь теперь я заметила, что сжимаю ключи от машины с такой силой, что они оставили отпечатки на моей коже.

– Я только что подъехала. А как давно вы тут работаете?

– Весь день. Я заменил черепицу на крыше, укрепил камни крыльца, полил лужайку...

– Знаю. Видела. Кто вас нанял? Я уж точно не нанимала.

– ...и сейчас привожу в порядок замок с калитки, но это будет лишь временная мера. Вам придется купить новый замок. Думаю, лучше с поворотной ручкой. Я хочу сказать, что здесь, в аптауне, довольно спокойно, но никогда ведь не знаешь заранее.

Он говорил с легким акцентом, не как местные. Может, он был из восточной части Техаса? Для меня как для журналиста было вполне естественным машинально замечать подобные детали, и это мое качество ценилось на работе. Я шагнула немного ближе к парню, а он задумчиво склонил голову набок; он явно оценивал мои туфли, ноги, талию, грудь. На мне была шелковая синяя блузка глубокого сочного тона, та, в которой я вела выпуск новостей этим утром. Я вдруг ощутила легкую волну, пробежавшую по моему телу и мгновенно согревшую меня. *Соланж, этот парень уж очень молод! А ты серьезный работник, разведенная женщина с маленьким сыном и весьма заметной должностью в этом городе. Флирту здесь просто нет места. С этим человеком. Который вломился в твои владения. Который ремонтирует твой дом... Который намного моложе тебя.*

– Кто вы такой и кто вас нанял? – повторила я, потирая ладонью шею. Нервы.

– Я ужасно хочу пить. Я вот думаю, не могу ли я получить стаканчик воды? А потом могу починить протекающую мойку для посуды... Ну, если вы меня впустите в дом.

До чего же он сексуален, этот парень. В нем есть шик, в нем есть некая дерзость.

Решительным, но не гневным тоном я сказала:

– Вы будете умирать от жажды до тех пор, пока не скажете, кто вас прислал и почему вы занимаетесь моей собственностью.

– Ну, я вам скажу... если... если вы примете Шаг.

И когда он это произнес, буквально в то самое мгновение, когда слова вылетели из его рта, я поняла. Наконец-то это началось. То самое. Дела С.Е.К.Р.Е.Т.

Моя наставница Матильда говорила мне, что все произойдет в течение месяца, что я осуществлю некоторые из своих фантазий, но что все остальное просто... пойдет само собой. Боже, сколько раз я думала о том, чтобы взяться за телефон и отменить всю эту чушь на тему сексуальных фантазий, пока она не началась. У меня просто не было на это времени. Да, секс всегда был важен для меня. И безусловно, он занимал немалую часть нашей жизни с Джулиусом, пока все не повернулось в худшую для нас сторону. Но теперь мне сорок один год, и не дело было жаловаться на положение вещей. У меня был ребенок. Я не могла позволить себе флиртовать в городе или даже в собственном заднем дворе, не могла заниматься сексом с незнакомцем, пусть даже у него была ямочка на левой щеке и он носил такие штаны, которые подчеркивали стройность его бедер. Я уже говорила об этом?

Парень подошел к садовому шлангу. То есть он лениво побрел к нему. Черт!..

– Если вы не хотите удовлетворить мою жажду, мне придется справиться с ней вот таким способом, – сказал он, направляя на свои губы дугу прохладной воды.

Я вскинула руку:

– Погодите! Вы можете войти в дом.

– И?... – спросил он, направляя шланг на лужайку.

– И... – В моем уме воцарилась настоящая суматоха. *Как все это обернется? Ох, боже, а что, если я нигуда не гожусь в постели? Я ведь уже так давно...*

– Так вы принимаете Шаг? – спросил парень, делая еще глоток воды из шланга и позволяя каплям растекаться по его обнаженным плечам и груди.

Я чуть не расхохоталась.

– Да вы знаете, сколько мне лет?

– А вы знаете, насколько вы горячая?

– А что, вам велят говорить такие вещи?

– Да. Но нас...

Я почувствовала, как у меня вытягивается лицо. *Я, наверное, выгляжу упавшей духом? Не по возрасту мне падать духом...*

– ...нас в первую очередь инструктируют говорить только то, что нам действительно хочется сказать.

Он уронил шланг, закрыл воду и неподвижно замер передо мной. Его лицо было спокойным, а его великолепные руки свободно повисли вдоль туловища, и лишь мышцы живота двигались от дыхания.

Я закрыла глаза:

– Хорошо.

– Хорошо – что? – спросил он.

– Хорошо. – Я пожала плечами, махнула рукой. – Я принимаю... что бы это ни было. Шаг.

– Вы принимаете?

– Конечно, а почему бы и нет? И что мне теперь делать? Наверное, следует подняться наверх и надеть какое-нибудь нарядное белье? Или мы займемся этим прямо здесь?

Молодой человек разинул рот. Я буквально услышала в собственной голове голос Джули-уса: «Ну зачем тебе, Соланж, нужно быть вот такой? К чему эта вечная самооборона? Неужели ты не можешь просто расслабиться и стать женщиной?»

– Мы могли бы заняться и здесь... если вам хочется... – наконец произнес парень, окидывая задумчивым взглядом двор. – Но мне бы не помешало сначала принять душ.

– Ладно. Да. Отлично. Хорошая идея. Я вам покажу, где ванная. Идите за мной, – сказала я примерно таким же соблазнительным тоном, каким говорит какой-нибудь библиотекарь, провожая читателя к книжным полкам.

Парень стоял за моей спиной, когда я пыталась отпереть заднюю дверь; ключи тряслись в моей руке. Накрыв мои дрожащие пальцы своими, он развернул меня так, что я оказалась к нему лицом, и крепко прижал меня спиной к обшивке дома.

– Соланж... – произнес он, строго глядя на меня.

– Э-э... Да-да, – пробормотала я, тяжело сглатывая. И через его плечо посмотрела на задний двор.

– Если ты хочешь, и только если ты хочешь, я готов кое-чем тебя позабавить, – прошептал парень мне на ухо, удерживая меня на месте и пожирая взглядом мое тело.

Я ощущала его дыхание на своих ключицах, спине, прижатой к стене дома, становилось все жарче.

– Поначалу от того, что я готов проделать с тобой, ты можешь ощутить... неловкость. Но потом, думаю, это покажется тебе по-настоящему... приятным. – (Я нервно кивнула.) – Я здесь именно для этого – чтобы тебе было хорошо. Я лишь для этого и пришел. Это моя работа.

– Как тебя зовут? – спросила я.

– Доминик, – ответил он.

– Откуда ты, Доминик?

– Тайлер, Техас. Мои родители из Колумбии.

– Я так и знала!

– Знала – что?

– Твой акцент... Ладно, забудь. – Я хихикнула. Снова нервы.

Соланж, расслабься, позволь ему делать свое дело. Пока что он все делал неплохо. Не портить все своими мозгами.

Доминик прервал мой нервный смех, прижавшись губами к моим губам, и через секунду уже раздвинул их языком. Он поцеловал меня с глубиной и размахом человека, отлично знающего, что он делает. Это был поцелуй мужчины зрелого, более чем опытного. Он отлично целовался. Так, словно ему действительно этого хотелось. Хотелось по-настоящему. И этот поцелуй был предназначен для того, чтобы убедить: для меня будет лучше, если я сделаю это прямо сейчас.

Ладони Доминика обхватили мою грудь, большой палец дерзко подобрался к соску, который тут же затвердел под шелком, а губы парня двинулись от моих губ к уху. От Доминика пахло *мужчиной* – мускусом, деревом, мылом. *Когда я в последний раз ощущала такой запах, этот восхитительный мужской запах?*

Доминик чуть отодвинулся и произнес негромко мне в ухо:

– Дай-ка ключи.

Я уронила ключи в его ладонь, и он наклонился, отпирая дверь. В доме царила бодрящая прохлада. Я снова оставила кондиционер включенным. Доминик вложил ключи мне в руку.

– Брр... Терпеть не могу, когда забываю выключить эту штуку, – сказала я, проскакивая мимо Доминика в дом и чувствуя, как у меня кружится голова. Я поспешила к термостату, перевела его с 67 на 71 градус по Фаренгейту. – Если бы это зависело от меня, я бы просто избавилась от конди...

Когда я обернулась, то увидела, что Доминик исчез. В кухне и столовой было пусто. Но несколько секунд спустя я услышала шум воды в трубах. Доминик был уже наверху, он наполнил ванну! Ох, ну и... Тут только до меня дошло: все происходило точно так, как я это описала три недели назад, сидя вот за этим самым кухонным столом. После того странного и прекрасного дня в особняке на Третьей улице Матильда велела мне все записать, все те сексуальные фантазии, какие только приходили мне в голову когда-либо, все то, что мне хотелось бы проделать с мужчиной и что мужчина мог бы сделать для меня, но о чем я всегда боялась попросить.

В одной из фантазий я написала: «Мне бы хотелось однажды прийти домой после долгого рабочего дня и вдруг увидеть, что все надоедливые мелкие дела и проблемы решены кем-то сексуальным... и кто заодно приготовит мне ванну». Я записала это на листке в той небольшой папке, что мне дали. Но даже когда я это писала, то была полна сомнений. Я просто думала: «Это же чистое безумие, это просто шутка. Такого никогда не происходит. И уж конечно, такого не происходит с трудоголиками сорока одного года от роду».

– Соланж! Где у тебя полотенца?

Мое сердце колотилось с такой силой, что я просто слышала его удары. Я сняла наручные часы и положила их рядом с вазой с фруктами. Потом расстегнула манжеты блузки и сбросила туфли на каблуках, оставив их лежать на выложенном плиткой полу. А потом медленно пошла к лестнице, двигаясь на звук льющейся воды, будучи уверена теперь, что ошибалась. Такие вещи явно случаются на самом деле. И все это происходит сейчас, со мной.

* * *

На благотворительном приеме, где я и встретилась впервые с Матильдой Грин, произошли три события, смешавшиеся воедино. Но большинство присутствовавших там журналистов знали только о двух из них.

Конечно, прежде всего это была история Каррутерса Джонстоуна. Он, только что переизбранный, был важным пунктом повестки вместе со своей недавно обретенной подругой и только что родившимся ребенком. И еще была история о некоей маленькой благотворительной организации, о которой прежде никто вообще не слышал и которая внезапно пожертвовала пятнадцать миллионов долларов на различные проекты. Нам сообщили, что С.Е.К.Р.Е.Т. означает «Сообщество Единомышленников по Креативному Равноправию, Единению и Трансформации личности», что эта организация юридически зарегистрирована в городе еще в конце шестидесятых годов, но больше о них мне ничего выяснить не удалось. Лишь несколько позже я узнала, что на самом деле означают буквы их названия.

Но главное событие того вечера на самом деле произошло через несколько минут после того, как мы с моей командой устроились рядом с баром, чтобы взять интервью у Матильды. Весьма и весьма пьяный Пьер Кастиль, один из богатейших землевладельцев Нового Орлеана, ворвался на прием. Обычно он весьма скрытен в своих делах и не слишком общителен, и потому его появление уже само по себе выглядело странным. Он был таким растрепанным, а его поведение – неадекватным. Это стало настоящим потрясением. Хотя, впрочем, я оказалась там единственной из журналистов, кто его узнал. Всего несколько его фотографий в журналах и никаких киносъемок. Он никогда не достаивал прессу даже кратких комментариев, не говоря уже об интервью по поводу дел его компании, которую он унаследовал от столь же скрытного отца. Пьер Кастиль был просто именем, которое, пожалуй, возглавляло личный список желаний каждого журналиста. Его называли бы сразу, если бы кто-нибудь спросил, кого бы им хотелось изобразить в своей статье или телерепортаже. В конце концов, он ведь владел половиной города и скупал недорогие земли вдоль реки поблизости от Френч-Маркет. К тому же еще и холостяк, а вот это уж было совсем трудно понять. Он выглядел самым сексуальным существом из всех, кого мне приходилось видеть на протяжении немалого времени. Хотя и

совсем не в моем вкусе. И именно этот человек появился тогда на приеме в небольшой толпе в каком-то темном углу рядом с кухней.

Через несколько минут разразилась буря. Матильда, выбравшись из схватки, что-то прошептала одному из вышибал, прежде чем подойти ко мне ради нашего интервью, как было обещано. К тому времени, когда я наконец смогла спросить ее, из-за чего вышел скандал, охранники уже выставили Кастиля за дверь. Проходя мимо нас, он сильно прищурился, глядя на Матильду. И явно собирался сказать ей какую-то гадость, но тут заметил, что рядом стою я. Он фыркнул.

– Эй, Вечерние Новости, – сказал он, – тут есть кое-что интересное. Только это не то, за чем ты охотишься.

А потом, до того как охранники вытолкали его на улицу, он заорал, оглянувшись через плечо:

– Пока, шлюхи!

Момент был весьма острым, однако Матильда и не подумала что-либо объяснить, когда я спросила, как оказалось, что она знакома с Пьером Кастилем и почему, черт побери, он разговаривал здесь подобным образом.

– Вообще-то, я его не знаю, – сказала она, смахивая воображаемую пушинку с плеча своего вечернего платья.

– Но вы только что приказали выставить известного миллиардера с вашего приема, а он назвал вас и ваших гостей шлюхами. И вы утверждаете, что не знакомы с ним?

– Хорошая хозяйка и должна выгнать любого, кто напился как свинья, будь он хоть миллиардером, хоть нет, – ответила Матильда.

И, небрежно взмахнув рукой, она ловко сменила тему, приступив к разговору о том, что ее благотворительное общество имеет своей главной целью помощь женщинам. Но уже через несколько минут она прервала наш разговор, чтобы успокоить какую-то заплаканную брюнетку в черном атласном платье, которая спешила покинуть прием.

Это был полный недоумений драматический вечер.

Позже мы с Матильдой обменялись визитными карточками. Даже если в обществе С.Е.К.Р.Е.Т. не происходило ничего таинственного, мне довольно было и пятнадцати миллионов долларов, перевозбужденного миллиардера и расстроенной брюнетки. Я взяла все это на заметку как нечто странное, что требовало повторного визита и рассмотрения. Поэтому когда недели две спустя Матильда позвонила мне и пригласила пообедать вместе, я была взволнована и преисполнилась решимости разузнать как можно больше.

Мы встретились в баре «У Трейси», который был скорее мужским приютом и казался странным выбором для встречи женщин. Но здесь, похоже, знали Матильду, как будто она была постоянной посетительницей спортивных баров. Матильда выглядела даже симпатичнее, чем мне помнилось: ее рыжие волосы собраны в тугий хвост, а на лице ни малейших признаков напряжения, замеченного мной в тот вечер. Однако уже через несколько секунд стало понятно, что Матильда пришла вовсе не для того, чтобы поговорить о Пьере, о своем благотворительном обществе или о каких-нибудь рыдающих брюнетках. Совсем наоборот, она полностью (что было странно) сосредоточилась на мне, а точнее, на том, что писал обо мне журнал «Новый Орлеан» после одного из моих скандальных сюжетов, благодаря чему меня повысили до ведущей субботнего выпуска новостей.

– Весьма благодарна вам, Соланж, за то, что согласились со мной встретиться. Или мне следует называть вас Грозная Соланж Фарадей?

Ух... Матильда процитировала заголовок журнальной статьи. На самом деле статья была посвящена вовсе не моей карьере. В ней по большей части говорилось о том, что я одинокая мать, у которой практически не было кавалеров все восемь лет после развода.

– Ох, я морщусь каждый раз, когда вижу упоминание об этом журнале в Интернете.

– Я думала, вам должно было понравиться то, что о вас написали, – сказала Матильда.

– В другом случае вы были бы правы, но та статья... Ну, это была просто *издевка*. Да, я разведена, но наши отношения с бывшим мужем весьма неплохи; он отличный отец. И мы на самом деле воспитываем сына вместе. Так что называть меня одинокой мамашей – значит оскорблять всех тех женщин, которые действительно растят детей в одиночку, и всех тех разведенных отцов, которые честно выполняют свой отцовский долг.

И тут меня прорвало. Я выплеснула все то негодование, которое копилось во мне много лет и глубину которого я и сама не осознавала до того момента.

– Им бы сосредоточиться на том, что всей моей команде понадобились не часы, а дни и недели, чтобы раскопать ту историю с землями вокруг порта, что в прошлом году буквально взорвала все СМИ. Мы отправили нескольких местных политиков в тюрьму за взятки, это был настоящий скандал. Но вместо этого они принялись изображать меня как некую одинокую, несчастную разведенку-трудоголичку!

Я буквально видела, как у Матильды волосы шевелятся от моей обличительной речи, но мне было наплевать. Я не могла признаться ни ей, ни кому-либо еще, что у меня уже почти десять лет не было мало-мальски серьезных взаимоотношений. Конечно, случались время от времени свидания. И секс тоже. Но все это было тайно, противно и вообще не стоило того, чтобы тратить на это целую ночь, которую я могла потратить на свои дела. Я вовсе не искала себе нового мужа. Я совершенно не желала вводить какого-то нового мужчину в жизнь моего сына. Кроме того, сыну я уделяла столько времени, что у меня не оставалось сил на что-то или кого-то еще. Да, это было чистой правдой: я любила свою работу. И если уж на то пошло, за нее-то я и могла бы выйти замуж. Но... Ох, черт, почувствовать пару теплых ног в холодной постели хотя бы изредка...

– А как насчет секса? С бывшим мужем? – спросила Матильда, беспечно попивая кофе.

Я и по сей день не понимаю, почему вдруг принялась обсуждать свою сексуальную жизнь с абсолютно незнакомым мне человеком, но Матильда оказалась для меня настоящим даром, она сумела сделать так, что мне было легко рассказать ей обо всем, хотя сама она при этом выглядела закрытой книгой.

– Мы с Джулиусом были весьма удачной парой в этом отношении, – сказала я. – Но потом родился Гас, и... и все изменилось. Джулиус изменился, или, скорее, он-то как раз и не изменился. А сексуальная составляющая просто исчезла каким-то образом. Сначала из-за того, что мне приходилось заботиться о ребенке. Потом – поскольку Джулиус вынужден был брать на себя заботу о малыше, пока я работала. Очень много работала. У меня были определенные амбиции, и я была занята не на шутку. А он... он не был так занят. И из-за этого на него ложились дополнительные домашние обязанности...

Мой язык просто не в силах был остановиться! Я болтала, как загипнотизированная!

– Похоже на то, что у него случился кризис самооценки, – заметила Матильда.

– Да. Именно так и было.

Я рассказала ей, как Джулиус с удовольствием превратился в папу-домохозяина. Поначалу. Но потом последовали одно за другим неудачные предприятия, и в итоге секс превратился для Джулиуса в способ самоутверждения. И несмотря на многочисленные обсуждения наших проблем, мы все равно разошлись так далеко, что уже не могли вернуть то, что было между нами прежде.

– Это был тяжелый разрыв?

– Вообще-то, нет. Я хочу сказать, мой отец тогда умер, а у мамы случился удар. Так что я вернулась в родной дом, чтобы ухаживать за ней. И мы воспользовались этим как поводом для окончательного разрыва. Но после ее смерти я так и осталась в старом доме. Как я уже говорила, мы отлично ладим как родители. Джулиус – наилучший отец. А Гас никогда не видел,

чтобы мы ссорились. Потому что этого не бывает. Больше не бывает. Но – да, все прошло без злобы. Это было просто... просто по-настоящему грустно.

Я внезапно почувствовала, что задыхаюсь. Мне ненавистно было думать о том, что сделал наш развод с нашим милым, милым мальчиком, по которому я тосковала и душой и телом, когда он бывал у своего отца. Но с другой стороны, то, что мы развелись до того, как ему исполнилось три года, было только к лучшему. Он не помнил нас вместе, не помнил напряжений и раздражительности. Но он не помнил и свою мать нежно привязанной к отцу. Впрочем, я, наверное, читала слишком много книг о родителях после развода.

В тот момент, отчаянно желая сменить тему, я заметила браслет на руке Матильды и потянулась к ней, чтобы потрогать его. Золото было тяжелым, теплым; на подвесках я заметила крошечные надписи, но рассмотреть их без очков не могла.

– Какое чудесное украшение. Семейная вещица?

– Можно и так сказать. – Матильда улыбнулась.

– Откуда он у вас?

Матильда отвела руку.

– Мне жаль, что вам противна та статья, Соланж, – сказала она, не обращая внимания на мой вопрос. Она могла бы любого поучить искусству уклонения от ответов. – Но в некотором смысле именно то, на чем она была сосредоточена, и заставило меня позвонить вам.

Так вот в чем был смысл ее приглашения.

– На самом деле я сюда пришла как раз для того, чтобы поговорить о той статье и о вашей сексуальной жизни. Или ее отсутствии. И о том, как я могла бы... помочь.

Ее предельная прямота заставила меня жарко покраснеть. *Ох, боже... Теперь понятно...* Я вытерла салфеткой губы и коснулась руки Матильды, откашливаясь.

– Должна вам сказать, Матильда, я весьма польщена, но... дело в том, что... ну, буду говорить прямо. Хотя если бы я была лесбиянкой...

– Нет-нет-нет! Боже правый!.. Да я совсем не это имела в виду! – с улыбкой воскликнула Матильда. – Вы уж простите, я не всегда бываю настолько откровенной, но у меня к каждой женщине свой подход, а мне показалось, что с вами прямота – наилучший путь к пониманию. Я говорю о сексе с мужчинами. И без последующих взаимоотношений. Просто... связь.

– Ох...

Матильда наклонилась вперед, внезапно приняв вид человека, предлагающего грандиозную сделку, нечто такое, от чего невозможно отказаться.

– Связи, о которых я говорю, – чисто сексуальные, – продолжила Матильда. – Веселье, свобода, безопасность, полная анонимность. И под вашим полным контролем. И на ваших условиях. Вам никто никаких условий ставить не будет. Сексуальные сценарии, через которые вы пройдете, будут полностью такими, как вам хочется. Как вам такое?

– Вы хотите сказать... Вы говорите о сексуальных фантазиях? О том, чтобы превратить их в... в реальность?

Я огляделась по сторонам, окинула взглядом шумный бар, наполненный громко говорившими мужчинами, полностью поглощенными собой и своими собеседниками.

Да, это было идеальное место для разговора вроде нашего.

– Да. Однако... Соланж, вы журналистка. А то, что я собираюсь сказать вам дальше, должно остаться между нами. Навсегда. Это в высшей степени доверительно. Настолько доверительно, что, если бы меня попросили продолжить разговор для записи, я бы заявила, что ничего подобного никогда и не говорила.

Я снова посмотрела по сторонам. Мое любопытство было возбуждено сверх всякой меры, даже все мое тело отчаянно насторожилось, от предвкушения у меня закружилась голова. Но я изо всех сил постаралась сохранить внешнее безразличие.

– Ладно. Согласна.

И вот тут-то она и выложила мне все: для чего на самом деле было основано ее благотворительное общество С.Е.К.Р.Е.Т., рассказала о его истории и о своей роли как одной из основательниц и старшей наставницы. С.Е.К.Р.Е.Т. в итоге оказался предназначен совсем не для обеспечения Креативного Равноправия, Единения и Трансформации личности, как это значилось в его официальном названии. За буквами крылось другое: Спокойствие, Естественность, Колдовство, Романтичность, Единение и Трансформация – и это были условия сексуальных фантазий, которые Матильда и ее помощницы организовывали для женщин. Для женщин, которых они сами и выбирали. Женщин вроде меня. Женщин, которые нуждались в определенной помощи в этой сфере.

Я просто не верила собственным ушам.

Я была потрясена.

И в то же время захвачена.

– Погодите-ка, давайте разберемся. Вы возглавляете организацию, которая дарует женщинам осуществление их сексуальных фантазий? Но зачем об этом вы говорите мне? Сами ведь напомнили: я журналистка!

– Знаю. Но я доверяю вам. И... ну, нам бы хотелось, чтобы вы стали нашей следующей кандидаткой. И вполне возможно, также и последней, во всяком случае на какое-то время.

– Кандидаткой? Но почему я?

– Видите ли... в последние годы мы выбирали таких женщин, которые страдали от сексуального оцепенения, или же тех, которые были буквально сломаны. На этот раз в качестве последней кандидатки мы хотим взять женщину, которая просто давно перестала ставить секс на главное место или просто уделять ему достаточно внимания. Кого-то с хорошим жизненным опытом. К тому же а почему бы и не вы? Вы красивы, самодостаточны, деловиты. Как говорилось в той статье, свидания – это не то, на что вы готовы тратить много времени. А я вам предлагаю позволить нам сделать для вас то, чего вы сами для себя никогда не сделаете. Мы в этом мастера.

На несколько мгновений я просто онемела, потом наконец спросила:

– А что вы подразумеваете под «последней кандидаткой»?

Матильда как будто на мгновение-другое куда-то унеслась, потом вытряхнула из головы явно невеселые мысли.

– Ну, боюсь, С.Е.К.Р.Е.Т. изжил себя. Это было чудесное предприятие, но после следующей кандидатки мы закрываем лавочку, хочется нам того или нет, – сказала она и тут же махнула рукой официанту, прося подать счет. – Если вы решите, что вам хочется это испытать, позвоните мне. Я вас приглашу на заседание нашего Комитета.

– Комитета?

– Да. В нем состоят женщины вроде вас, те, кто изменился к лучшему, приобретая новый опыт. Некоторые из них – известные в Новом Орлеане дамы: врачи, юристы, актрисы и так далее. Знакомые вам имена. Но есть и простые официантки, парикмахеры, учительницы. И мужчины, которых мы вербуем для осуществления женских фантазий, могут быть тоже кем угодно: повара, строительные рабочие, антрепренеры, крупные предприниматели. Есть и такие, чьи имена на слуху во всем мире.

И тут до меня дошло!

– Пьер Кастиль! Вот откуда вы его знаете! Он один из этих... ваших рекрутов, так ведь?

Матильда Грин могла бы стать исключительным игроком в покер. Выражение ее лица не изменилось ни на йоту. Она даже не моргнула, а когда наконец заговорила, то тщательно взвешивала каждое свое слово:

– Даже если он и был таковым, Соланж, я бы никогда не ответила на ваш вопрос. Мы превратимся в ничто, если не будем осмотрительны, и я надеюсь, вы сами сочтете это весьма

успокаивающим, если хорошенько подумаете. И я надеюсь также, что могу быть уверена и в вашей осмотрительности.

Я устала на свои руки, чувствуя себя немного неловко из-за собственного взрыва. Сорок лет давали себя знать самым неожиданным образом: в том, как морщилась кожа на костяшках пальцев, как болталась она на локтях, а еще я ощущала онемение в пояснице по утрам и заметила один-два седых волоска в некоторых интимных местах. Я все еще могла отказаться, но Матильда была права: меня это действительно больше не беспокоило. Я перестала интересоваться сексом. Ну разве что позволяла себе одну-другую встречу, даже порой и с одним и тем же мужчиной, чтобы раздеться, выключив свет. Но все больше и больше сама мысль о том, чтобы провести с кем-нибудь несколько расслабляющих ночей, мысль о том, чтобы заснуть не в собственной постели, умыться не в своей ванной комнате, нарушить привычную рутину, – ну, одной только мысли обо всем этом хватало, чтобы лишить меня остатков желания.

– Надо хорошенько подумать, – сказала я, нервно засовывая в карман карточку, которую она мне дала.

Удивительно, но мне не хотелось с ней прощаться. Матильда была из тех, с кем просто не желаешь расставаться.

* * *

В тот вечер мой дом был пуст. На все выходные Гас отправился к отцу, и это почему-то внезапно меня расстроило. Я же всегда с наслаждением предвкушала одиночество, диван, любимые книги, стаканчик вина, уютную пижаму... и вдруг испугалась всего этого. Когда я была помоложе, то обычно с удовольствием отправлялась на прогулку. Мне нравился сам ритуал: выбор наряда, косметики. Потом я обдумывала, в какой именно клуб отправлюсь, и я никогда не принадлежала к тем, кто ждет в очереди у входа. Да уж, немало денег я потратила на то, чтобы побывать там, где играет джаз, протанцевать до заката солнца. Как с Джулиусом.

Но это было в прошлом.

Несмотря на трудности в деловой сфере, сексуальная жизнь Джулиуса после развода, похоже, буквально расцвела. За последние восемь лет у этого человека было по меньшей мере две очень серьезные связи. Но если бы те женщины не были так добры к Гасу, я бы быстро убедила Джулиуса никого больше не пускать в свою жизнь.

Впрочем, ранимость и чувствительность были не для меня; к тому же я буквально панически боялась попросить кого-либо о помощи. Так что мне понадобилась вся моя сила воли, чтобы после двух мучительных дней все же взяться за телефон и позвонить Матильде. Я сказала «да», потому что из всего этого могла получиться отличная история. Нет, не такая, которую я стала бы кому-нибудь рассказывать, но ведь и не все истории предназначены для этого.

Когда я подходила в Особняку на Третьей улице, чтобы встретиться с Комитетом, я представляла собой сплошной комок нервов. Но Матильда оказалась права: все те женщины действительно были такими же, как я. Я имею в виду не то, что несколько из них оказались афро-американками, хотя мне было приятно, что Комитет не состоит из одних только белых. Но дело было скорее в том, что это были женщины в возрасте, ни одной юной мордашки, ни одной девчонки, а именно женщины – женщины, смотревшие на меня прямо, излучавшие особую сексуальную уверенность, о которой я давно забыла ради профессиональной карьеры. Они гордились своей женственностью.

Я немного успокоилась, нас представили друг другу, и меня заверили: все, что здесь происходит, останется в тайне. Конечно же, у меня были вопросы. Если я в какой-то момент передумаю, то могу ли я остановиться? *Да, безусловно.* У меня ребенок. Вы можете учесть мои родительские обязанности? Боже, да о чем тут говорить?

В конце концов, я уже была не столько напугана, сколько заинтригована, что, конечно же, хороший знак для журналиста.

В общем, я произнесла «да» и покраснела, услышав аплодисменты.

– К твоему «да» добавляется и символ нашей связи с тобой и друг с другом, – сказала Матильда, ставя передо мной пурпурную коробочку.

В коробочке лежала золотая цепочка, такая же, как и у других женщин, только на моей не было звенящих подвесок.

– Это мне? – спросила я, поднося к свету тяжелую золотую цепочку.

– Да, тебе, – ответила Матильда.

После объятий и поздравлений меня отправили домой с небольшой папкой, которую мне было велено не открывать, пока Гас не заснет.

В тот вечер я позвала няню, дважды убедилась, что свет в комнате сына погас, приготовила чай и включила классическую музыку. Я даже еще раз проверила, спит ли Гас, прежде чем уселась за кухонный стол с мраморной столешницей, тот, за которым я ела в детстве, и дрожащими руками открыла папку. Внутри я обнаружила длинный список фантазий и сценариев, иные были из ряда вон, другие вполне обычными – своего рода перечень сексуальных желаний, но при каждом оставалось несколько пустых строк, чтобы можно было внести собственные уточнения. Матильда в особенности подчеркивала, что я должна быть честной, что никакая фантазия не может быть ни слишком скучной, ни слишком непристойной, чтобы ее нельзя было рассмотреть и принять.

Я заточила карандаш и принялась обдумывать все это куда более тщательно, чем обдумывала список гостей, которых следовало пригласить на свадьбу. Мой первый сценарий родился легко.

Прежде всего мне бы хотелось однажды вернуться домой после долгого рабочего дня и увидеть, что все скучные мелкие дела и проблемы решены очень привлекательным и сексуальным мужчиной, который заодно приготовит мне ванну и для которого мне не придется готовить и мыть посуду, или даже разговаривать, если мне этого не захочется. Мы могли бы просто... – Тут я заколебалась. – Мы могли бы просто... заниматься сексом?

Я поставила в конце вопросительный знак. Секс не был заранее определенным выводом, по крайней мере для меня.

И вот теперь, три недели спустя, этот самый сценарий разворачивался точно так, как я его написала. Он был здесь. Мой первый воображаемый мужчина.

* * *

Звук бегущей воды становился громче по мере того, как я поднималась по лестнице. Моя рука сжимала перила, и я вдруг заметила цепочку общества С.Е.К.Р.Е.Т., выглядывающую из-под рукава блузки. Я поднималась вверх тихо, старательно ставя ноги только на застеленную ковром часть лестницы. Потом шум воды прекратился, и я замерла на месте.

– Доминик?

– Я в ванной комнате! – крикнул он в ответ. – Нашел полотенца.

Я прижала ладонь к сердцу, чтобы хоть немного его утихомирить.

– Ты можешь войти, Соланж. Я выгляжу прилично.

Ох, боже правый... Я наконец добралась до конца лестницы и повернула по коридору к своей спальне, чувствуя, как сжимается мой желудок. *Мне никогда не приходилось заниматься сексом с абсолютно незнакомым человеком. Что я делаю? Я что, с ума сошла?* В моей ванной комнате были и ванна, и душевая кабина, и Доминик как раз вышел из-под душа, обернув

полотенце вокруг скульптурной талии. Мне показалось, что комната расплывается то ли из-за света, лившегося сквозь окно с цветными стеклами, то ли из-за пара или из-за того, что меня всю трясло. Но передо мной стоял бронзовый Адонис, с которого на кафельный пол стекали капли воды, и большего я и желать не могла. Я вдруг осознала: мое дыхание стало поверхностным и я пытаюсь глубже вдохнуть воздух, чтобы не потерять сознание при виде этой гладкой кожи, сильных рук, голых ног, крепко стоящих на полу. Я наконец впихнула кислород в свои легкие, как меня этому учили на курсах для беременных. *Курсы! У меня же есть ребенок! Я не должна...*

ПРЕКРАТИ ДУМАТЬ!

Доминик улыбался улыбкой мужчины, который прекрасно знает, какое впечатление он производит на женщин. *Ты сейчас разденешься перед этим человеком, Соланж. И тебе это понравится...*

Ванна рядом с Домиником была наполнена водой, на поверхность всплывали пузырьки, а на дальнем краю ванны стоял ряд зажженных чайных свечей. Выглядело все просто чудесно.

– Я тут быстренько принял душ и одновременно наполнил ванну. Наверное, я истратил всю горячую воду в доме. Прошу прощения.

И снова – улыбка. Та самая улыбка.

– Все в порядке, – сказала я, потирая шею.

– Думаю, температура воды в самый раз. Хочешь проверить?

Его взгляд не отрывался от меня, когда я пересекала комнату. Я наклонилась и опустила пальцы в пенистую воду.

– Прекрасно, – сказала я.

– Тогда почему бы тебе туда не забраться? И... я принесу тебе что-нибудь выпить, – добавил Доминик, видимо почувствовав мое смущение и страх раздеться перед ним. – Что-то конкретное?

Ох, боже...

– Да. Это было бы чудесно. Может, воды? Стаканы в буфете в столовой. Или вина. Может, вина? В холодильнике есть открытая бутылка.

Доминик вышел, а я проводила его взглядом. *Сделайэтосделайэтосделайэто.* Я быстро выскользнула из юбки и блузки, положив их (аккуратно) на столешницу с умывальником. Потом сняла бюстгалтер и трусики и засунула их под одежду. Проверила воду пальцами ноги. Ох, немножко горячая, но все равно хорошо, нет времени медлить.

Я погрузилась в воду по самые ключицы, тщательно скрыв тело под пеной, и мои колени превратились в коричневые холмы со снежными вершинами, понемногу скользившими вниз. Я обожала свою ванну – прекрасную модель, белую, овальную, которую я выбрала тогда, когда поняла, что нам с Гасом предстоит остаться в доме моего детства, и тогда я отремонтировала хозяйскую ванную комнату и спальню. Мне в то время казалось ужасно декадентским ставить джакузи, но я все равно это сделала. И с тех пор она частенько бывала моим единственным средством для расслабления.

Несколько минут спустя Доминик снова поднялся наверх и вошел в ванную, держа в одной руке запотевший стакан, а другой все так же придерживая полотенце. Я наклонилась вперед, чтобы обхватить руками колени и скрыть грудь, и быстро отвела взгляд от его великолепного брюшного пресса. Доминик такой... Это было слишком...

– Ты уже забралась, – сказал он, протягивая мне стакан. Я взяла его. – Тебе удобно?

Я кивнула, сделала глоток и осторожно поставила стакан на угол ванны. Доминик опустился на колени рядом со мной.

– Потому что если тебе не очень уютно...

– Нет. Я в порядке, – ответила я, слегка поперхнувшись вином. Я понимала, что моя улыбка выглядит жалко. – Правда. Это просто... Мне надо как-то привыкнуть...

Привыкнуть? Вау! Весьма сексуально, Соланж!

Доминик улыбнулся, а я почувствовала себя так, словно готова была разреваться. Не знаю почему. Я не боялась, мне не было грустно. Совсем наоборот. Я была... благодарна. Даже тронута. Торс Доминика находился в нескольких дюймах от края ванны. Я могла протянуть руку и коснуться его, мне даже хотелось это сделать. Доминик был не просто хорош собой, он был добр...

Доминик взял сложенную белую махровую салфетку с края ванны. Окунув ее в пенную воду и отжав излишки воды, он стал водить ею по моим плечам. Я позволила ему массировать себя мягкими круговыми движениями, и моя голова сама собой наклонилась вперед, расслабляясь. *Рука на моем теле, простое человеческое прикосновение... Как же я была одинока! Почему я этого не замечала?*

Шершавая ткань, теплая вода, рука Доминика так близко к моей коже... Все это было предназначено для того, чтобы успокоить меня. Я закрыла глаза.

– Ну как тебе?

– Отлично, – пробормотала я.

Через мгновение я почувствовала, как салфетка исчезла, а вместо нее моей спины коснулись мягкие губы.

– А это как тебе?

– Тоже неплохо.

Доминик еще раз поцеловал меня, потом провел салфеткой по спине от одного плеча к другому, а потом губами прошелся по дорожке, оставленной тканью. Ох, боже... Я буквально таяла в воде. Сколько времени прошло с тех пор, когда со мной обращались так нежно?

– Тут становится немного прохладно, – прошептал Доминик, касаясь губами моего левого уха. – Могу я присоединиться к тебе?

Ну, начинается! Дыши глубже.

Я подвинулась в ванне вперед, освобождая для Доминика место позади себя. Краем глаза я видела, как он уронил полотенце, и успела заметить пятно темных волос и приподнявшийся пенис, весьма симпатичный. Доминик шагнул в воду, его колени охватили мои бедра, когда он сел. И тут же он мягко привлек меня к своей теплой груди. Я ощущала его эрекцию, становившуюся все сильнее по мере того, как руки Доминика передвигались с моих плеч к груди. Я все еще продолжала прикрывать грудь мокрыми ладонями, и Доминик осторожно сжал пальцы на моих запястьях.

– Позволь мне, – негромко произнес он, раздвигая мои руки в стороны.

– Позволить тебе что? – спросила я, стараясь подавить нервное хихиканье. *Тебе сорок один год, черт побери! Ты не должна хихикать!*

– Пора уступить, Соланж. Ты просто... позволь мне.

После краткого колебания я все же бессильно уронила руки, и Доминик... Ну, он осторожно взял сначала одну мою руку, потом другую и прижал мои ладони к внешней стороне своих крепких бедер. Это было чарующе, это было нечто новое для меня, и я одновременно и наслаждалась, и наблюдала. Ладони Доминика скользнули по моим рукам снизу вверх, к плечам, а потом снова вниз – на этот раз к груди, мокрой и скользкой, покрытой клочками пены. Я смотрела, как Доминик большими пальцами ласкает мои соски, вызывая во мне волну острого наслаждения. Я судорожно вздохнула, прижимаясь спиной к его телу, и теперь уже его член буквально вонзался в мое тело, а я прижалась затылком к его слегка щетинистому подбородку. Я старалась не намочить волосы. Я готова была согласиться на многое, но иметь мокрые волосы – нет-нет. Я положила ладони на руки Доминика, ласкавшие мою грудь, а его ноги крепче сжали меня. Могу поклясться, это было похоже на то, как если бы меня стиснули два мощных древесных ствола.

– Ммм... – промычала я, закрывая глаза, когда руки Доминика соскользнули с моей груди и отправились вниз, чтобы очутиться между ногами, погруженными в воду.

Мог ли он определить под водой, насколько я мокрая внутри? Пальцы Доминика легонько потянули за короткие волоски, и мне пришлось собрать все свои силы, чтобы не выскочить из воды, давая ему больше свободы. Я так хотела этого мужчину. Я позволила себе вскинуть руки и обхватить его шею, а он поглаживал и дразнил меня, и теперь его руки раздвигали пошире мои бедра, насколько это позволяли края ванны.

Доминик прижался лицом к моей шее, его пальцы исследовали складки моей женской плоти, а губы с силой ласкали мою кожу. Я буквально ощущала себя пожираемой, когда два пальца Доминика скользнули между самыми нежными складками и затем проникли внутрь.

– О-ох! – вырвалось у меня, и моя спина сама собой изогнулась, а вода между нашими телами шумно всплеснула.

А Доминик другой рукой уже снова поглаживал мою грудь, на этот раз крепче, более настойчиво, а пальцы первой пробрались немного глубже и стали двигаться немного быстрее. Время от времени он останавливался, когда я вздрагивала от его прикосновений. Потом его рука оставила мою грудь и коснулась подбородка, чтобы немного повернуть мою голову, – и тут же язык Доминика принялся дразнить мое ухо. Доминик поворачивал меня то так, то эдак, и я полностью отдалась ему. Потом он вдруг все прекратил и отодвинулся от меня, но продолжал поглаживать спину. Я оглянулась, когда он достал пакетик с презервативом из-под стопки салфеток, разорвал его и надел презерватив.

– Повернись, Соланж, чтобы я видел тебя, когда буду тебя иметь, – прошептал он.

Он с неожиданной силой поднял меня из воды и развернул лицом к себе, и его великолепный член устремился ко мне. Я протянула руку, чтобы помочь ему сразу проникнуть как можно глубже, ощутила наконец его внутри себя и крепко сжала ногами его бедра. Это было необычайное ощущение. А потом Доминик начал двигаться, крепко обнимая меня за талию.

– Откинись назад, обопрись на руки, – попросил он. – Я хочу, чтобы ты видела, как я это делаю.

Я послушалась, и оба мы сосредоточились на движениях его пениса, то погружавшегося в меня, то выскальзывавшего наружу, а вода при этом с плеском ударялась о края ванны. Доминик начал ласкать мой сильно набухший клитор, я и не представляла, что такое возможно.

– Ммм, – невольно вырвалось у меня. Крепко держась одной рукой за плечо Доминика, а другой опираясь на край ванны, я наконец поймала его ритм.

Темные глаза Доминика смотрели на меня с такой страстью, что я с трудом выдерживала его взгляд. Я откинула голову назад и крепко зажмурилась. *Поверить не могу, что это происходит со мной, здесь, в моей собственной ванне!*

– Ох, Соланж... ты черт знает как хороша! – простонал Доминик, врываясь в меня, а его большой палец продолжал кружить возле моего клитора, и все мускулы его тела напряглись.

Мы подняли целую бурю вокруг себя, и вода уже выплескивалась через край, погасив сначала одну свечу, потом вторую... А Доминик, наклонившись вперед и обняв меня за шею, снова прижался жадными губами к моему уху.

– Отдайся до конца, Соланж, – прошептал он. – Я хочу, чтобы ты отдалась... ради меня!

И тогда я ощутила, как стало таять мое внутреннее напряжение. Я упиралась ногами в край ванны, когда обжигающая волна вырвалась наружу и промчалась по всему телу. Я с силой откинулась назад, опираясь на руки, а взгляд Доминика стал теперь пылающим. Он продолжал вонзаться в меня снова и снова, мягко массируя при этом клитор, и эта искусная комбинация движений вызвала наконец во мне взрыв, который, казалось, невозможно выдержать, и я позволила ему сжечь меня изнутри, позволила произойти всему, и мой оргазм был яростным и жестоким... А Доминик продолжал двигаться, пока я стонала, глядя в потолок («Ох, да, да...»). Потом и он достиг финала, опустошив себя с громким криком, и никто не мог нас слышать

сквозь закрытые окна, ни соседи с задней стороны дома, отгороженные соснами, ни тот сосед, который мыл машину на другой стороне улицы, ни прохожие, гулявшие с собаками неподалеку от моего уютного дома на Стейт-стрит.

Задышавшись, я буквально упала на тело Доминика, мои руки повисли вдоль его спины, и я пыталась набрать в грудь воздуха, как какая-нибудь тонущая жертва. Доминик крепко обнял меня, целуя в плечо. Мы замерли так на несколько мгновений, пока мое дыхание не восстановилось. Вода уже начала остывать. Тогда Доминик осторожно отодвинулся от меня и вышел из ванны; вода потоками стекала по его великолепным бедрам. Он снял с крючка на двери мой халат и развернул его, как бы приглашая меня нырнуть в теплую ткань.

– Мадам, ваш халатик, – сказал он.

Я выпрямилась, ощущая головокружение, чувствуя себя немножко глупой и счастливой. Выйдя из воды на коврик и повернувшись, я сунула руки в рукава халата. Доминик закутал меня в него и завязал пояс, энергично растирая мне руки и бока, чтобы высушить кожу.

– Спасибо.

Не глупо ли было говорить это?

А Доминик, наклоняясь, чтобы поднять полотенце и обвязать его вокруг бедер, сказал:

– Сунь руку в карман, Соланж.

Я так и сделала – и достала из кармана маленькую пурпурную коробочку. В ней лежала моя первая подвеска, золотая капелька в центре мягкого облачка. На одной ее стороне было выгравировано слово «Капитуляция», а на другой – римская цифра «I». Подвеска была точно такой же, как подвески на браслете Матильды и на всех браслетах женщин в Особняке, которых я видела в тот день...

– Поможешь? – спросила я, протягивая подвеску Доминику.

Мое сердце бешено колотилось.

– Конечно, – ответил Доминик, и его ловкие пальцы прикрепили подвеску к браслету.

Я подошла к зеркалу над умывальником, чтобы посмотреть на браслет.

– Он просто чудесный, – сказала я, поднимая руку на уровень глаз.

– Как и ты.

Я повернулась к нему лицом:

– Спасибо тебе, Доминик, за... за то, что сумел меня убедить... И за это... – добавила я, показывая на ванну. – А теперь что?

– Ну, теперь я бы предложил тебе немножко отдохнуть. И разрешить мне заняться посудомоечной машиной и раковиной на кухне и еще чем-нибудь, что тебе хотелось бы починить до того, как я уйду.

– Да уж, в моем списке неотложных дел найдется еще кое-что. – Я неловко улыбнулась Доминику в зеркало.

Он поднял с пола свою одежду и вышел, оставив меня стоять посреди ванной на все еще дрожавших ногах. Окна в ванной запотели от пара. *Я это сделала. Я сделала нечто такое, чего никогда в жизни не делала: я просто-напросто отдалась прекрасному молодому человеку, которого, наверное, никогда больше не увижу. И я... я горжусь собой!*

Я вышла в спальню, сняла с кровати покрывало, уронила на пол халат и голышом скользнула под прохладную простыню. Закрывая глаза, я позволила своей руке скользнуть туда, где начала ощущать легкую боль. Да уж... Я слышала, как Доминик внизу, на кухне, то запускает, то останавливает посудомоечную машину. Потом до меня донеслось позвякивание металла. Чудесно...

Засыпая, я думала о том, что он мог бы исправить по крайней мере еще одну вещь до ухода. Еще одну, и все...

Глава вторая

Кэсси

Все произошло слишком уж быстро. Что-то мне подсказывало, что не нужно было приглашать Уилла на тот благотворительный прием в обществе С.Е.К.Р.Е.Т. Но я не прислушалась. И еще что-то велело мне увести Уилла подальше от Пьера Кастиля в ту самую секунду, когда тот открыл рот, чтобы выложить всю правду о С.Е.К.Р.Е.Т. – о сексе, фантазиях, мужчинах, причем в самых грязных выражениях вроде «шлюхи», «суки» и так далее.

Но в ту роковую ночь я просто застыла в темном углу. Я ничего не сказала, когда Пьер объяснял Уиллу, что суть деятельности общества С.Е.К.Р.Е.Т. в том, чтобы «использовать и выбрасывать мужчин». Пьер заявил, что то же самое я сделаю и с Уиллом, если тот мне это позволит, и было похоже, что Уилл ему поверил.

Так сколько было мужчин, Кэсси? Сколько? И с каких все это пор?..

Тайны и ложь теперь окружали меня так же, как они окружали Трачину, бывшую подругу Уилла, женщину, весьма долго державшую его в уверенности, что ребенок, которого она носит, – его. И прошел лишь месяц с тех пор, как Уилл сделал ошеломившее его открытие: все это неправда, ребенок – результат связи Трачины с Каррутерсом Джонстоуном, ранее женатым, а теперь разведенным окружным прокурором, которого она по-настоящему любила. Не то чтобы Уилл любил Трачину. Нет, не любил, но ему ужасно нравилась мысль стать отцом. Я тогда надеялась, что наше счастливое воссоединение сможет помочь ему исцелить эти раны, но они открылись заново, и в этом была моя вина...

– Я... Мне ужасно жаль, что я не рассказала тебе всего раньше, Уилл, но я страшилась узнать, как ты на это отреагируешь, – бормотала я.

Прижимая ладони к его груди, я пыталась объяснить, ради чего было создано общество С.Е.К.Р.Е.Т. и что оно сделало для меня. Но Уилл просто не слушал. Он бешено таращился на Джесси Тернбула, моего бывшего любовника, а теперь друга, который хотел убедиться, что у меня все в порядке.

– Он что, из списка этого года или это прошлогодняя модель, а, Кэсси? – шипел Уилл. – Может, ты и его попросишь отшлепать тебя?

Джесси шагнул вперед. Он уже врезал как следует Пьеру, и я не сомневалась, что в случае необходимости сделает то же самое и с Уиллом.

– Ну, мне этих постельных драм хватит теперь до конца жизни, – заявил Уилл перед тем, как умчаться прочь с приема, предоставив Джесси утешать меня.

И с тех пор Уилл Форе меня не любил.

По дороге домой я была безутешна. Джесси пытался мне объяснить, что Уилл не отвергает меня, что он отвергает двуличность. Я слушала, наблюдая за городом, плывшим мимо меня за окном грузовика Джесси. Он остановил грузовик перед «Отелем старых дев», заглушил мотор и повернулся лицом ко мне:

– Хочешь, чтобы я зашел?

Когда любовь всей твоей жизни отказывается от тебя из-за твоего прошлого, легко предположить, что можно броситься в объятия человека, который принимает тебя целиком, такой, какая ты есть, в особенности когда эти объятия так теплы, и крепки, и надежны. И хотя я и пригласила Джесси подняться наверх, но не зашла дальше поцелуя.

Пока Джесси кипятил воду для чая, я сбросила это ужасное, это прекрасное черное атласное платье и натянула старую хлопчатобумажную футболку и спортивные штаны. Пока заваривался чай, я несколько минут всхлипывала на диване, отпихнув от себя свою кошку Дикси, которая пыталась меня утешить. Джесси сел рядом со мной и просто слушал. Время от времени

он брал меня за руку, говоря, что все будет в порядке, что Уилл опомнится, что я не сделала ничего плохого и что мне просто следует набраться терпения.

– Но, Джесси, ты же его слышал сегодня! – воскликнула я, бросая на кофейный столик очередной ком промокших бумажных салфеток. – Ты слышал! Он *все решил*!

Джесси всмотрелся в мое лицо. Он собирался быть откровенным со мной, и я уже могла предсказать, что его слова мне не понравятся.

– Ну, всякое ведь бывает, Кэсси. Я и сам мужчина... И я думаю... Ну, после того, какой у этого парня выдался год, я бы тоже испугался.

– Он не испуган, он взбешен!

– Позволь кое-что рассказать тебе о мужчинах, Кэсси. Когда мы пугаемся, мы не показываем страх, мы демонстрируем *гнев*...

Может, во всем этом и была какая-то правда, но я не готова была ни отпустить Уилла, ни уйти сама.

– Ха! Нет, Джесси, он просто думает теперь: «Что за чертова шлюха, хорошо, что я все вовремя узнал!»

Это был выстрел наугад, но Джесси наклонился ко мне, глядя на меня, как озабоченный врач:

– Да почему ты такое говоришь, Кэсси?

– Ты же его видел, Джесси! Он теперь ненавидит меня! Его тошнит от того, что я делала!

– Нет, это не так, ничего подобного. Ему ненавистно то, что женщина, которую он любит, вела... ну, не знаю... странную двойную сексуальную жизнь... И он просто не представляет, что ему с этим делать, но его переполняют страх и чувство угрозы. Ты следишь за моей мыслью?

– Слежу. Я просто... Я сама все так запутала! Уилл и я. Ты и я. Я хочу сказать, ты-то со мной мил, хотя я так с тобой обошлась.

Мы с Джесси не виделись около месяца, с того самого дня, когда родился малыш Трачины и когда наконец стало ясно, что сердце Уилла принадлежит мне, а мое – ему, и что бы ни было между мной и Джесси, это не значило ничего, кроме чистого секса.

– Опять ты за свое, Кэсси! Тебе нужно выбросить все это из головы. Я не шучу. Если бы Матильда была сейчас здесь, она бы ради твоей же пользы вышибла бы из тебя всю эту чушь.

– Ну да... Мне очень жаль.

Лицо Джесси смягчилось, опасение уступило место мягкому сочувствию.

– Не надо передо мной извиняться. Ты никогда ничего дурного мне не делала. Перед собой извинись!

Глаза у меня основательно распухли от слез. Я завела руку за голову и откинулась на спинку дивана. И позволила своим пальцам коснуться плеча Джесси. Я посмотрела на него сквозь мокрые ресницы. Я что, заигрываю с ним? Нет. Может быть... Я искала утешения, поддержки. Джесси откликнулся, придвинувшись поближе ко мне, а потом нежно, легко поцеловал в висок:

– Пока, куколка. Ложись спать. Я тебе позвоню.

А вот если бы он приподнял мой подбородок и придвинул губы к моим губам, смогла бы я воспротивиться? Думаю, да. Может быть. Нет. Да! Кто знает? По правде говоря, я понятия не имела, чего мне хотелось в ту ночь. Но вся эта раздвоенность, размытость линий, смущение и грусть вовсе не возбуждали мужчин, причастных С.Е.К.Р.Е.Т.

Джесси встал, потянулся, и его крепкий живот выглянул из-под задравшейся футболки. Никогда прежде я не думала, что склонна к зрительным наслаждениям, однако с момента появления в моей жизни С.Е.К.Р.Е.Т. я узнала о себе очень много нового.

Слишком уставшая, чтобы подняться с дивана, я лишь помахала Джесси рукой. А он отсалютовал мне и ушел, аккуратно закрыв за собой дверь. Потом я посмотрела на сверкающий

на руке браслет, на котором позвякивали десять подвесок, и каждая из них была мной любима и желанна. Но теперь мне вдруг показалось, что браслет слишком тяжел для моей руки.

* * *

На следующее утро, собираясь на свою утреннюю смену в кафе «Роза», я тщательно оделась и причесалась. Я хотела выглядеть собранной, спокойной, зрелой, а не той, которая проплакала всю прошлую ночь. И очень надеялась, что Делл ничего не заметит. Весь прошедший месяц она не слишком-то обращала внимание на нас с Уиллом, а ведь мы постоянно целовались по разным углам в кафе, и сейчас я надеялась, что она не заметит, что мы разорвали отношения.

А тут меня вдруг ошарашило еще одно воспоминание. Вчера, в приливе глубоких чувств ко мне, Уилл не только попросил меня стать управляющей в его новом чудесном ресторане на втором этаже, но и заявил, что решил назвать его «Кэсси», в мою честь, и это тронуло меня до слез. Но теперь я не была уверена даже в том, что вообще хочу и дальше работать с Уиллом.

Возможно, мне нужно было просто уволиться. Самое время. Возможно, если мы долго не будем видеть друг друга, не будем постоянно сталкиваться, обижать друг друга, нам станем легче? Возможно, именно в этом мы оба нуждаемся? Но тут я похолодела при мысли: «Уилл может и сам меня уволить». И хотя такое увольнение, скорее всего, будет незаконным, я же не стану тратить свои сбережения на адвокатов... Зная себя, я подумала, что просто уйду, поджав хвост, и приму предложение Анджелы Реджин насчет работы в Особняке.

Когда я добралась до Френчмен-стрит, то приняла решение. Осеннее солнце ласково согревало меня. Я даже немного выпрямилась на ходу. Если бы только я сумела убедить Уилла в том, что С.Е.К.Р.Е.Т. многое сделал для меня, и не только в сексуальном смысле. Ладно, я и так могу за себя постоять. Могу добиться того, чего хочу. Я стала смелее, увереннее в себе, больше не пугаюсь всего на свете. Я не принадлежала к тем женщинам, которые готовы быть с кем угодно, лишь бы не остаться в одиночестве. Одиночество больше меня не страшило. Одиночество было проблемой и вызовом, да, но оно также и приносило глубокое удовлетворение. Быть одной не значит быть одинокой.

К тому времени, когда я добралась до кафе «Роза», я была уже уверена: сегодня мой последний день работы на Уилла Форе. И я была уверена и в том, что со мной все будет в порядке. Я посмотрела вверх, на новый ресторан, на его недавно вставленные окна, с которых еще не сняли заводские наклейки. Да, мне будет грустно, но я это переживу. Способность вставать на ноги после падения, восстанавливать душевные силы – этому тоже, помимо всего прочего, научили меня в обществе С.Е.К.Р.Е.Т., а сегодня именно это и было мне нужно.

* * *

Время завтрака было суматошным. Мы с Делл проносились мимо друг друга сквозь вращающиеся двери, она выскакивала с тарелками яичницы, я проносилась с грязной посудой, и обе мы нервно постукивали пальцами по стойке, когда ждали кофе. И лишь во время дневного затишья Уилл появился в кухне. Я стояла спиной к двери и срезала кожуру с лаймов, а Делл готовила глазурь для одного из своих знаменитых пирогов. Когда я оглянулась, мое сердце на мгновение остановилось от того, что я увидела: красивое лицо Уилла вытянулось и осунулось, темные глаза налились кровью, веки распухли...

– Привет, – сказал он нам обеим, ставя на металлический разделочный стол коробку с апельсинами.

Делл не обратила на Уилла внимания, зная, что его приветствие обращено прежде всего ко мне.

– Привет, – ответила я, делая такое же бесстрастное лицо, как у него.

– До дома добралась нормально? – спросил Уилл хриплым голосом.

– Да, – коротко сказала я, не поворачиваясь к нему лицом, удержавшись даже от того, чтобы сообщить, что домой меня отвез Джесси. Ну ничего ведь не случилось.

– Хорошо. Хорошо, – пробормотал Уилл. – Мне жаль, что я вот так сбежал. Но я подумал, что оставил тебя в хороших руках.

Так и есть, камень в сторону Джесси.

– Уилл, я...

Делл совершенно не желала слушать того, что могло быть сказано дальше.

– Эй, ребята, если я вам понадобится, то я там, делом занимаюсь. – И через вращающиеся двери она покинула кухню.

Уилл отвернулся, чтобы выложить на стол принесенные фрукты и овощи. Я направилась к нему, желая помочь, ведь я всегда это делала.

– Нет! – резко произнес он, разворачиваясь. Я отступила на шаг. – Я хочу сказать, я и сам могу. А ты позаботься о посетителях.

В кухню вприпрыжку вбежала Клэр, племянница Уилла, которая должна была помогать ему этим утром; ее светлые волосы, заплетенные в дреды, образовывали на голове некое подобие гнезда. Я постоянно умоляла Клэр убирать волосы, потому что слишком многие посетители находили светлые волоски в своих омлетах. И лишь после того, как Уилл пригрозил, якобы в шутку, отправить ее домой, в Слайделл, Клэр сдалась. Однако я знала, что на самом деле он никогда этого не сделает. Уилл был просто в восторге, когда девушка приехала к нему, чтобы учиться в школе искусств. Да и я была так же очарована ею, как и он.

– Эй, влюбленные пташки, дайте-ка мне местечко, – пропела она, сбрасывая куртку.

В последние недели она буквально злоупотребляла этим выражением, потому что мы с Уиллом не могли долго оставаться вдали друг от друга. Клэр схватила здоровенную ягоду клубники из горки в дуршлаге и сунула в рот. Но тут она заметила наши застывшие лица, наше угрюмое молчание и явно ощутила напряжение.

– Ой, ладно... Я просто... Пойду-ка найду Делл, – заявила Клэр, ускользая в обеденный зал, явно испугавшись грозы, готовой вот-вот разразиться над нашими головами.

Я заглянула в измученные глаза Уилла.

– Значит, теперь вот так и будет? – прошептала я. – Все вокруг нас будут ходить на цыпочках. В таком случае я буду рада отказаться от места. Сегодня. Сейчас.

Меня и саму изумила собственная решительность. Но я говорила всерьез. И Уилл это понимал. Он запустил пальцы в слипшиеся волосы. Неужели в них действительно было больше седины, чем вчера?

– Пожалуйста, не делай этого, – пробормотал он. – Мне очень жаль.

– О чем ты сожалеешь, Уилл? Обо всем сразу?

– Нет. Не обо всем, но уж точно о том, как вел себя вчера вечером. Знаю, я вынудил тебя плохо думать о самой себе. Мне очень жаль, прости. Я этого не хотел.

Я сделала шаг к нему, как будто это было самым естественным поступком в мире: обнять его, принять его извинения. Но Уилл выставил вперед руку, как некий барьер между нами, и, стараясь говорить как можно более спокойно и ровно, словно успокаивал перепуганного зверька, произнес:

– Погоди. Нет. Дело в том, Кэсси... Я все думал... Я всю ночь думал... И понял, что поспешил в наших отношениях. Ведь тебе нужно еще обрубить какие-то концы, может, с тем парнем, может, с тем... с той группой, в которой ты состоишь...

– Нет никаких концов, Уилл! Нет никакого парня. Джесси просто мой друг. И нет никакой группы. Я вышла из... из нее, когда поняла, что ты и я... что мы могли бы...

– Что мы могли бы – что? Наконец-то быть вместе? Верно. Как будто ты так уж сохла по мне.

И тут на меня нахлынул гнев.

– Так тебе именно этого хотелось?

– Нет. Я имел в виду... Я хотел сказать... Это я страдал.

– Ха! погоди. Ты говоришь, что страдал, а сам в это время жил и спал с красивой молодой женщиной, которая ждала ребенка, и думал, что это твой ребенок? А я, видимо, должна была хранить обет безбрачия и вообще полное целомудрие, не ходить на свидания, не иметь секса с кем бы то ни было, а просто сидеть тихонько в сторонке и ждать, когда твои отношения с ней закончатся и я смогу наконец заполнить тебя?

– Черт! – вырвалось у Уилла, и он с силой потер лицо, пытаясь найти более или менее подходящий ответ. – Я просто задница.

– Не стану с тобой спорить, – сказала я. – Потому что в этом ты прав, Уилл, я не сидела и не ждала. И честно говоря, теперь, когда между нами все вроде как кончено, я тоже не стану сидеть и ждать.

Мы стояли в каком-то футе друг от друга и сами с трудом верили тому, что произносили. Мы словно застыли в состоянии потрясения и невозможности найти нужные слова.

– Я серьезно, Уилл. Скажи прямо сейчас. Должна ли я уволиться?

Он выпрямился, а когда заговорил, то его голос звучал мягко и настойчиво.

– Кэсси, еще вчера я пытался это сказать, но не смог. Ты лучшая работница из всех, что у меня были. Я не хочу ничего менять. Я хочу, чтобы ты продолжала работать здесь и обучила тех, кто тебя заменит в кафе, а ты перейдешь в ресторан наверху. Он будет носить твое имя, потому что я уже зарегистрировал это название, и оно стоит на лицензии на торговлю спиртным и значится на бланках счетов и меню, которые напечатаны, и на вывеске, которую должны доставить с минуты на минуту, – сказал Уилл, поглядывая на свои наручные часы. – На этот счет я не передумал.

И пока он говорил, я смотрела на его губы, мучаясь желанием поцеловать их, желая ударить по ним за те слова, что они произносили, и еще мне хотелось удержаться от слез... Я прижала одну руку к животу, а другой оперлась на разделочный стол.

– Уилл, скажи мне кое-что...

– Что именно? – Его плечи вдруг обвисли. Он понял, чего следует ожидать.

– Ты когда-нибудь любил меня?

Он опустил взгляд, будто ответ был написан на клочке бумаги, который он сжимал в кулаке.

– Я... да. И по-прежнему... очень высокого мнения о тебе, Кэсси. Это правда. – Он двумя пальцами потер переносицу, прежде чем продолжить. – И у меня по-прежнему... очень глубокие чувства к тебе, Кэсси. Но я не могу быть с тобой. И не буду. Я не могу себе этого позволить. Потому что я хочу... нет, нуждаюсь, я действительно нуждаюсь в том, чтобы в моей жизни никогда больше не было никакой путаницы. И мне нужно присматривать за Клэр, а у нее какие-то проблемы в школе, и я начинаю новый бизнес. Трачина и малыш теперь уже в прошлом. И я просто должен сосредоточиться на простой и спокойной жизни. Мне это необходимо. Ради того, чтобы сохранить душевное здоровье.

Молчание, последовавшее за этими словами, все объяснило.

Да, между нами все было кончено. Навсегда.

– Понимаю...

– Но мы можем работать вместе, Кэсси. Мы же не дети. А хорошую работу найти не так-то просто. И не наказывай саму себя просто из гордости. Останься. Ты мне нужна.

И что бы вы сказали на это? Что бы вы сделали? Что, стали бы колотить человека в грудь, требуя, чтобы его сердце впустило вас, потому что сердце знает лучше, чем мозги? Или просто кивнули бы и произнесли: «Ладно. Хорошо. Я останусь. Пока»?

И я сказала именно это, хотя потоки жидкой ртути неслись по моим венам, делая меня жесткой и холодной, не позволяя ни отказаться от предложения, ни снова открыться навстречу Уиллу. Все произошло как-то само собой и могло бы даже внушить благоговение, если бы выглядело как глас судьбы. Этот мужчина был создан для того, чтобы я его любила. Я частично открылась перед ним, показав настоящую себя, те свои стороны, которые мне казалось безопасным показывать. Но когда открылись мои более глубокие тайны, он тут же отказался от меня. И это был не просто отказ, это было полное отвержение – отвержение всего того, что я собой представляла и через что прошла.

– Значит, на том и порешим? – спросила я.

– Думаю, да, – кивнул Уилл. – Мы ведь долгое время были друзьями. И я надеюсь, снова можем ими стать. Ну, я точно со временем смогу стать тебе другом.

Он протянул мне руку. Он хотел, чтобы я ее пожала? Я посмотрела на его ладонь так, словно она была объята пламенем. *Только не заплакать прямо сейчас. Потом поплачу.*

* * *

И я принялась за дело. Я работала как лошадь всю свою смену, тренируя Клэр и нашу новую работницу Морин, барменшу и буфетчицу, которую мы сманили из «Пятнистого кота» на другой стороне улицы и которая должна была вскоре заменить меня в нижнем зале. Я надеялась, что, несмотря на полное несовпадение их стилей (Клэр была хиппи, Морин – панк) и небольшую разницу в возрасте (Клэр почти восемнадцать, Морин – двадцать три), они все же смогут работать вместе.

Я закончила с кассой и вышла как раз в тот момент, когда на парковку перед универсамом въехал какой-то грузовик. Огромная укрытая полотном вывеска торчала над его кабиной, бросая тень на стоявшую рядом машину. Я увидела высунувшуюся из-под полотна огромную красную букву «К», с которой и начиналось название ресторана, и это было уж слишком для меня. Я помчалась по Френчмен-стрит, мимо магазина велосипедов, мимо кондитерской Мейсона, и резко повернула налево, на Чартрес-стрит, к «Отелю старых дев», изумляясь тому, как могла измениться жизнь за какие-то двадцать четыре часа. Вчера в это самое время мы с Уиллом направлялись на Латробс-он-Ройял – в вечерних нарядах, вместе глядя в будущее. Сегодня же на мне были свободные брюки и перепачканная футболка и я отпирала входную дверь и бежала вверх по лестнице на третий этаж, с трудом сдерживая слезы.

Очутившись в своей крохотной квартире, я бросилась в ванную, на ходу срывая с себя одежду, включила душ и встала под горячую воду, чтобы смыть свое прошлое. Я очень долго стояла под струями, прижавшись лбом к кафельной стенке, не чувствуя собственных слез. Должно быть, я слегка обожгла кожу, потому что, когда стала вытираться, мне было больно. Я завернула волосы в полотенце, чтобы просушить их, и тут в комнате зазвонил телефон.

А что, если это Уилл и между нами просто случилось грандиозное недоразумение и он все понял за то время, пока выгружали вывеску с названием «Кэсси», и теперь думает лишь о том, как он меня любит?.. Или это Джесси, который решил проверить, как у меня дела, хотя рядом с ним лежит какая-нибудь обнаженная красавица?.. Но определитель номера дал мне знать, что звонит Матильда, и я испытала облегчение еще до того, как услышала ее спокойный голос.

– Кэсси, я сегодня весь день думала о тебе. Как у тебя дела?

Я рассказала ей все от начала и до конца, с тех слов, которые Уилл сказал мне накануне вечером, и до его сегодняшнего решения. Матильда тяжело вздохнула. И долго молчала перед тем, как заговорить.

– Кэсси, не стоит винить Уилла. Просто некоторые мужчины по-прежнему уверены: сексуальные аппетиты женщин совсем не так важно удовлетворять, как их собственные. Или они не верят, что сексуальная жизнь женщины может или даже должна быть такой же разнообразной, полной и интересной. И это меня озадачивает, потому что... Ну, я хочу сказать, а с кем эти мужчины занимаются сексом?

Но я была не в том настроении, чтобы рассуждать о сексуальной политике, или о шовинизме Уилла, или об ужасающих двойных стандартах.

– Я все понимаю, Матильда. Но дело в том, что мое сердце разбито, – сказала я, позволив слезам свободно литься из глаз. – Я люблю его. А он больше меня не любит.

Некоторое время Матильда слушала мое бормотание, не перебивая меня. Но наконец она сказала:

– Я бы не была в этом так уж уверена.

– И что мне тогда делать?

– Ничего. Я искренне надеюсь, что ты не стала перед ним извиняться, так как не сделала ничего дурного. Твоя сексуальная история – это твое личное дело. То, что ты рассталась с С.Е.К.Р.Е.Т., должно полностью его удовлетворить. Кэсси, это его трудности.

– И я ничего не должна делать?

– Ну, делай то, что я всегда предлагала тебе делать, когда становится тяжело. Продолжай жить и работать как можно лучше. И помни: он всего лишь мужчина, просто человеческое существо. Не позволяй этой истории останавливать твое продвижение вперед. Взирайся все выше. И наблюдай за тем, что происходит. В общем, живи своей жизнью.

– Но я просто не знаю, что с собой делать прямо сейчас!

– Комитет был бы рад твоей помощи.

Я рассталась с обществом С.Е.К.Р.Е.Т. около месяца назад, когда решила погрузиться во взаимоотношения с Уиллом. И хотя я была рада уйти оттуда, отчасти я все же скучала по дружбе и искреннему веселью, которое делила с теми женщинами, не говоря уже о мужчинах. Но с другой стороны, я злилась на С.Е.К.Р.Е.Т., я никак не могла примирить свое прошлое в этой организации со своей нынешней проблемой.

Я встала в стойку, как охотничья собака:

– Появилась новая кандидатка?

– Пока нет, – ответила Матильда, – но вчера вечером я увидела на приеме кое-кого весьма интересного.

– И кто это?

– Я пока с ней не познакомилась. Но к нам вернулся Джесси, и я уверена, что...

– Джесси вернулся в С.Е.К.Р.Е.Т.?!

Почему меня это слегка задело?

– Да, вернулся.

– И когда это произошло? Я думала, он тоже ушел.

– Так и есть. Но потом он решил, что необходимо кое-что завершить, ведь сразу двое покинули общество, и подумал, что неплохо будет вернуться туда, где ему гарантированы спокойствие, и отвлечение от забот, и немножко радости. С.Е.К.Р.Е.Т. ведь помог тебе пережить потерянную любовь, так?

– Так.

– И он может помочь тебе снова, если ты позволишь. Кроме того, это наше последнее предприятие. Боюсь, у нас заканчиваются деньги, и после следующей кандидатки обществу придется закрыть двери.

Я окинула взглядом свою крошечную квартирку в мансарде «Отеля старых дев», посмотрела на кошку Дикси, лениво гонявшую пылинку в солнечном луче.

– Я не слишком много могу ей дать, – сказала я.

– Подумай хорошенько, – посоветовала Матильда. – А пока не бросай хорошую работу из-за плохих отношений. Никогда не давай ни одному мужчине так много власти над собой. И помни: во всех сердечных катастрофах всегда кроются новые возможности. Тебе нужно просто увидеть их.

Глава третья

Соланж

Воскресное утро я провела в лени, читая газеты, попивая кофе в постели, а Гас устроился у меня в ногах, развлекаясь видеоиграми, хотя обычно я не позволяла ему использовать для этого мой телевизор. Я даже сама немного поиграла с ним в виртуальный теннис.

– Ты неправильно держишь эту штуку, – заявил Гас, тыча пальцем в мой пульт. – Но в общем-то, это не важно. Все по-своему держат.

Что тут скажешь? Мы потеряли представление о времени, чего со мной обычно не бывает, и, когда приблизился полдень, я уже в бешеном темпе рылась в гардеробной, хватая туфли и блузки и швыряя их на кровать огромной пестрой кучей. Я опаздывала! *Снова!*

На воскресенье была назначена рекламная фотосессия, поскольку только этот день мог уделить нам потрясающий новый фотограф. Я, конечно, была недовольна тем, что приходилось работать в выходной, но, если честно, позирование перед фотокамерой едва ли было самой трудной частью моей работы. Хорошо еще, что съемка должна была состояться в районе Уэрхаус, где жил Джулиус, и я предполагала по пути забросить к нему Гаса. Джулиус предложил оставить сына у себя на ночь и на следующий день отвезти в школу. Обычно я возражала, но на этот раз позволила Джулиусу некоторые излишества. А почему бы и нет, сказала я себе. Он ведь этого хочет. Вот и ладно.

За недели, прошедшие после сексуального дня с искусным мастером, я расслабилась, как никогда в жизни. Время от времени я погружалась в фантазии, но в такие, которые касались моего тела, а не ума. Порой я ловила себя на том, что иду по коридору к редакторскому отделу так, словно в моей голове звучит ритмичная сексуальная музыка. Мои каблуки постукивают, бедра покачиваются... В моем теле как будто укоренились некие новые ритмы; в бытность студенткой, я постоянно испытывала нечто подобное.

Я вдруг замечала, что, оказавшись одна в лифте, я напеваю, что слегка раскачиваюсь, набирая воду в ванну, наливая вино в бокал... и я вижу перед собой хлопья пены, покрывающие руки и бедра Доминика, мои собственные руки и бедра. Боже правый! У меня был отличный секс, и я могла иметь его еще больше, в любое время, и от этой мысли меня щекотало предвкушение. Что могло быть лучше? Мне не нужно было трудиться ради этого. Не нужно было прихорашиваться и флиртовать, не нужно было терпеть чудовищно скучные свидания или рисковать своей репутацией, и мне не грозил отказ. Не нужно было знакомить сына с кем-то новым, чужим, а вот это было значительно важнее. Все это было только для меня, Грозной Соланж Фарадей.

– Мам! Ты же опоздаешь!

Это Гас ворвался в очередной сон наяву.

– Я уже почти готова, детка! – ответила я, хватая еще несколько блузок в гардеробной и бросая их на кровать.

Район Уэрхаус был одним из моих любимых в Новом Орлеане. Я всегда думала, что, когда Гас уедет учиться в колледж (если, конечно, он не выберет Университет Лойолы или Тулейнский университет), я продам свой дом и переберусь в какой-нибудь прохладный лофт, но Джулиус меня опередил. Четыре года назад он отремонтировал две с половиной тысячи квадратных футов на четвертом этаже старой веревочной фабрики. Поначалу я беспокоилась, что там не будет двора или зеленых лужаек, где мог бы играть Гас. Потом тревожилась из-за огромных окон с раздвижными рамами, из тех, что обычно падают на чересчур любопытных мальчишек. Но все мои страхи растаяли, когда я увидела, что Джулиус устроил на этом огромном пространстве: спортивный зал с канатами для лазанья и матами. К тому же места

было довольно для того, чтобы Гас мог научиться ездить на велосипеде прямо под крышей. И после множества кругов по полу на отцовском чердаке Гас уже чувствовал себя достаточно уверенно, чтобы гонять на велосипеде по дорожкам парка. Я была благодарна Джулиусу за то, что он взял на себя самую трудную часть работы. Мне оставалось лишь бегать вслед за Гасом в парке и кричать, чтобы он был поосторожнее.

Я окинула взглядом гору одежды на кровати. Яркие краски очень нравятся объективам камер, поэтому мой гардероб выглядел как собрание флагов перед ООН. Но я должна была найти такой вариант, который подходил бы для группового снимка – я вместе с другими четырьмя нашими ведущими и Маршей Ланг.

Марша была звездой новостей, а заодно моей наставницей и подругой. Как первая в Новом Орлеане афроамериканка, ведущая выпуски новостей, Марша получила премию Пибоди за сюжет о свидетельских показаниях Аниты Хиллз на слушании дела Кларенса Томаса. Но ей было уже хорошо за шестьдесят, и она постоянно говорила, что слышит, как истекает время ее карьеры, однако при этом была далека от того, чтобы смотреть на меня как на соперницу, наоборот, она сразу взяла меня под свое крыло и считала преемницей.

Каждый год я надевала для такого снимка черную юбку и черные туфли, которых у меня было не меньше одиннадцати пар, на каблуках разной высоты; одни были с острыми носами, другие – с закругленными, в общем, на все случаи жизни. Каблуки высотой в четыре дюйма надевала, когда вела субботний выпуск, сидя за столом с прозрачной стеклянной столешницей, туфли на трехдюймовой платформе – когда вела репортаж от какого-нибудь официального здания, а туфли на каблуках в два дюйма, с круглыми носами были предназначены для того, чтобы гоняться за обвиняемыми в чем-нибудь членами городского совета или за луизианскими законодателями.

– Мама! – снова окликнул меня Гас.

– Послушай, парень, я знаю! – крикнула я в ответ. – Почему бы тебе не подойти и не помочь мне выбрать одежду для рабочего снимка?

Почему Гас так волновался, что я могу опоздать? Он вообще был беспокойным мальчиком. Джулиус говорил, что в детстве он был таким же, и это меня слегка успокоило. Но один из учителей Гаса как-то сказал мне, что Гас уж слишком серьезный малыш, на что я ответила: «Но разве это что-то значит? Может, у него просто такой характер!»

Но меня постоянно преследовал страх, что я плохая мать и что все это видят и обсуждают.

Гас сунул голову в мою комнату:

– Ты говорила – в полдень, а уже без четверти!

Когда Джулиус в последний раз водил Гаса в парикмахерскую, мастер перестарался и подстриг мальчика слишком коротко. Волосы только начали отрастать, и до сих пор не ясно было, какая именно прическа подразумевалась. Афро? Или нечто более стильное, ведь окружение Гаса становилось все более продвинутым, все более подпадало под ужасное и прекрасное влияние поп-культуры. Я решила, пусть с этим разбирается Джулиус.

– Как ты думаешь? – спросила я, поднимая красную блузку с бантом и золотистую с глубоким декольте.

– Ну... мне кажется, красная.

– Но я надевала красное в прошлом году.

– Тогда золотая, – решил Гас, и в его голосе прозвучало отцовское нетерпение.

– Я возьму их все, – сказала я, бросая с дюжину блузок в специальную сумку для одежды, и добавила к куче несколько пар черных туфель.

– Я отнесу это вниз, – заявил Гас.

– Она тяжелая.

– Ничего, – бросил мой сын, вешая сумку на плечо.

Черт, мое сердце все еще сжималось при виде шеи моего десятилетнего мальчика – она выглядела такой ранимой, такой хрупкой и тонкой... Я представила, как его спина обрастет мускулами, достаточно сильными для того, чтобы не только нести сумку с одеждой, но и выдерживать груз всех тех мыслей и тревог, что свойственны обычному чернокожему в этом городе. Но его тревоги и в сравнение не идут с тревогами его родителей...

* * *

Когда я остановила машину перед лофтом Джулиуса, Гас выскочил из машины, крича через плечо:

– Пока, мам!

Прежде, перед тем как отпустить сына, я осыпала поцелуями его серьезное личико. Но он уже начал увертываться от моих объятий, и мне приходилось уступать. Гас больше не был младенцем, и я даже припомнить не могла, когда он в последний раз рассеянно хватался за мою руку на улице. Но размышления о том, что мой мальчик растет, могли напугать меня на весь день, так что я встряхнула головой и поехала дальше.

Студия фотографа располагалась всего в двух кварталах от жилища Джулиуса; по виду окон с цветными стеклами и двойной двери в стиле ар-деко видно было, что здание подверглось роскошному ремонту. Наша редакция впервые отказалась от услуг обычного коммерческого фотографа. Руководство наняло для ежегодной фотосессии некоего парня по имени Эрик Бандо, имевшего множество премий фотохудожника-портретиста, который работал также и на журнал «Нэшнл географик». Мы с Маршей посмотрели его фотографии в «Гугле» за неделю до сессии, и на нас они произвели сильное впечатление. Марша решила, что наша с ним встреча – это некий знак; мы ведь постоянно держались на третьем месте в городском рейтинге.

– Не представляю, как обычные рабочие снимки могут повисить наш рейтинг, – сказала я.

– Наше дело – не спрашивать как и почему, – заметила Марша. – Наше дело – улыбаться и позировать.

Помощница фотографа – ледяного вида блондинка в огромных очках в красной оправе – встретила меня в холле и забрала из моих рук сумку с одеждой.

– Извините за опоздание, – сказала я.

– Ох, не беспокойтесь, у вас целый день впереди, – ответила блондинка, нажимая кнопку лифта.

Я уставилась на нее:

– Вот как? Мне казалось, речь шла о трех часах.

– Ну, я хочу сказать, вы можете... устраивать передышки...

Ладно, пусть так. Пока мы поднимались наверх, ассистентка молчала, глядя прямо перед собой.

Наверху двери лифта плавно открылись в эффектную студию, раза в два больше зала Джулиуса. В ней было не меньше пяти тысяч квадратных футов кирпичных и деревянных полов из широких досок. Большая часть стен была выкрашена белым; кое-где пространство перебивалось небольшими перегородками, выделявшими тематические зоны, и это создавало впечатление лабиринта; одни зоны были с низкими диванами, другие – с яркими задниками от потолка до пола. Я услышала шум какой-то деятельности в ярко освещенном углу, где возле широких окон стоял однотонный зеленый задник. Вдоль наружной стены я увидела фотографии прекрасных суровых ландшафтов и снимки тех ужасов, которые творит война с природой и людьми, они притягивали взгляд, а еще там были ошеломительные природные панорамы, и все эти фотографии явно требовали огромного искусства и бесстрашия.

Все та же блондинка перевела мое внимание со снимков на вращающиеся кресла в другой стороне; в одном из них уже сидела Марша, а возле нее хлопотала гримерша. Я села в соседнее кресло.

– Полдень, дорогая, – сказала Марша, не отрывая взгляда от своего смартфона. – Ты слышала? Похоже, Мадонна решила сменить стиль одежды. И еще она учится стилю бути поп, что бы это ни значило, черт побери! – Марша показала мне изображение поп-звезды на экране ее смартфона.

– Понятно. Ну... что бы ни придумала эта немолодая белая красотка, по крайней мере, мой Гас ею не увлечется.

Марша улыбнулась, надевая очки.

– Ну ладно, я пошла, – сказала она, поднимаясь из кресла. – Завтра увидимся.

– погоди! Я думала... Разве мы не должны сняться все вместе? И где Джефф и Тэд? Где Ринк, черт побери?

– Пришли и ушли. Прелести «Фотошопа». Нам незачем позировать всем вместе, чтобы выглядеть как одна большая счастливая семья.

– А мы не такие?

– Такие, уж точно, – ответила Марша, подмигивая мне.

– А ты обратила внимание на работы Эрика на той стене? – спросила я. – Присмотрись на обратном пути. Потрясающие образы.

– Знаю. А самого Эрика ты видела? – пробормотала Марша, кивая в сторону мужчины могучего сложения, ростом не меньше шести футов и четырех дюймов, который разговаривал со светловолосой ассистенткой.

– Ух... Такого мы в «Гугле» не видели, – прошептала я, отмечая волнистые каштановые волосы мужчины, почти такого же цвета, как и его кожа.

Даже через весь зал было заметно, как играют мышцы его крепких, как у альпиниста, рук, когда он тщательно протирал большие линзы фотокамер.

– Он родился в Кении. Его отец был наполовину японцем, наполовину швейцарцем, служил в дипломатическом ведомстве, а его мать – что-то вроде африканской принцессы. Это был грандиозный скандал. Он вырос в Париже, – шепотом сообщила мне Марша, поглядывая на меня поверх очков. – Никогда не был женат. Занял пятое место в Олимпийских играх девяти-сто восьмого года. Биатлон. Это такой вид спорта, моя дорогая, когда ты несешься на лыжах с каким-нибудь долбаным ружьем. Он выступал за Швейцарию.

– Где ты все это раздобыла?

– Почти всю прошлую зиму он провел на севере Афганистана, документировал приграничные перестрелки. Те снимки на стене? Да их номинировали на Пулицеровскую премию! Он говорит на фарси. И кстати, он Лев по гороскопу.

– Могу поспорить, ему и в голову не пришло, что ты журналистка!

– Ох, боже, да будь я на двадцать лет моложе... да хоть на десять!

– Марша! Ты что, лично им интересовалась?

– Именно.

– Но ты же всегда говоришь, что это против наших правил!

– Да. Абсолютно против всего того, на чем мы стоим, – кивнула Марша, негромко посмеиваясь. А потом повернулась ко мне. – Знаешь, Соланж, что происходит с твоим восприятием правил приличия и пониманием пристойности, когда тебе уже больше шестидесяти?

– Нет, не знаю.

– Я тоже, да и знать не хочу. Ладно, приятного вечера. И попробуй вон те канапе. Очень вкусные.

Блондинка сунула мне в руку бокал шампанского:

– Это для вас. Поможет расслабиться.

– Нет, спасибо, – ответила я, аккуратно ставя бокал на гримерный столик. – Я и так вполне расслаблена.

Марша бросила взгляд на шампанское, потом на меня:

– Ох, я сейчас зарыдаю! – На прощание она поцеловала меня в щеку, резко развернулась и направилась к выходу.

– Позвольте познакомить вас с Эриком, – сказала блондинка, ведя меня под локоток через весь зал; другие помощники знаменитости расступились передо мной, как морские волны, когда я приблизилась к орбите Эрика.

– Эрик, это Соланж Фарадей. Ведущая субботних новостей.

В это время он давал указания осветителю, стоявшему на стремянке, и мышцы его рук напряглись, а голос звучал резко и низко.

– Влево и вниз. Я хочу, чтобы луч светил прямо... вон туда, где экран спускается на пол.

– Если сейчас неподходящее время... – начала я.

– Чушь! – ответил он, поворачиваясь лицом ко мне и оглядывая с головы до ног. – Для меня честь и удовольствие познакомиться с вами.

Бог мой! У меня буквально перехватило дыхание. Вблизи фотограф выглядел как некое африканско-азиатско-нордическое божество, и хотя я терпеть не могла слово «экзотический», ничего другого не приходило на ум, чтобы описать его миндалевидные серые глаза с крапинками, густые каштановые волосы, дерзкую полуулыбку, коричневую кожу, которая, казалось, отчасти была такой от природы, а отчасти приобрела свой цвет в результате каких-то смертельно опасных приключений, благодаря которым он оказывался слишком близко к солнцу. Эрик был ближе мне по возрасту, чем я сначала подумала, и я испытала огромное облегчение, хотя и сама не понимала, какое это может иметь значение. Когда со мной началось такое? Когда я стала сравнивать возраст мужчин со своим? После того, как мне исполнилось сорок? После того, как меня перестали замечать те, кому сорока еще нет?

– Привет. Э-э... Так где... где я могу переодеться? – спросила я, неожиданно почувствовав себя школьницей.

Да уж, рядом с этим мужчиной я ощущала себя почти крохотной, даже хрупкой. *Возьми себя в руки, Соланж! Думай, что ты делаешь важный и опасный репортаж.*

– Пройдите в мою спальню. – Эрик показал на гладкую дверь в белой стене.

– Вы здесь живете? – удивилась я.

– Я здесь сплю, – уточнил он.

Эрик уже снова улыбался, демонстрируя щербинку между передними зубами; такой недостаток всегда казался мне ужасно сексуальным. Я почувствовала, как у меня загорается лицо.

Спальня Эрика была просторной и полной воздуха, с окнами от пола до потолка, в металлических рамах, покрашенных в яркий белый цвет. Стены тоже белые, и туалетный стол с матовыми стеклами в дверцах. Королевских размеров матрас на дубовой платформе был накрыт белым одеялом, а по нему разбросаны подушки. Эта комната была из тех, где только и делают, что занимаются сексом, из тех, куда определенно не следует пускать детей.

Моя одежда была развешана на напольной вешалке в середине комнаты. Я решила выбрать золотистую блузку не потому, что обычно надевала что-то такое на работу, поскольку она все-таки была слишком броской, просто у меня возникло ощущение, не знаю почему, что меня заметили. Что он меня заметил.

Когда я снова вышла в рабочую часть студии, там было тихо; ни осветителя, ни ассистентов... лишь блондинка-помощница аккуратно раскладывала перед зеркалом ярко освещенного гримерного столика кисти для нанесения макияжа.

Я села в кресло и скрестила ноги.

– Думаю, мы сосредоточимся в основном на глазах, – сказала блондинка, рассматривая меня в зеркале. – Сделаем их ярче. А больше вы ни в чем не нуждаетесь. Вы и так светитесь изнутри.

Она говорила обо мне, но не со мной, и все равно я покраснела.

– А эта блузка подходит? – спросила я помощницу, внезапно почувствовав волнение и неловкость, как будто декольте блузки было слишком низким или, может быть, недостаточно низким.

– Она чудесная, – ответила блондинка, перебирая кисти.

Похоже, она не слишком хорошо владела своим ремеслом, не говоря уже о том, что плохо чувствовала цвет. Вскоре я стала выглядеть несколько кричаще. Когда блондинка зловеще схватилась за тюбик с тушью для ресниц, мне пришлось остановить ее.

– Послушайте, я знаю, что для объектива необходимо чуть больше косметики, чем обычно, но не уверена, что эта помада мне к лицу.

Лицо блондинки вытянулось. Она явно нервничала.

– Обычно я сама подкрашиваюсь перед эфиром, – сказала я. – Вы не возражаете?

– Да! То есть я хочу сказать, не возражаю. Мы просто хотим, чтобы вы чувствовали себя абсолютно спокойной и сексуальной. – Блондинка глубоко вздохнула, явно испытывая облегчение.

– Но я просто... я хочу выглядеть как всегда, быть собой.

– Верно, отлично, – кивнула блондинка, отступая в сторону.

А я стерла часть плодов ее энергичных усилий и заново наложила косметику, на свой лад.

Почему такой человек, как Эрик, держит столь непрофессиональную гримершу? И почему мне показалась зловещей возникшая вокруг тишина? Я вскочила с вращающегося кресла и заглянула за перегородки, ища Эрика или хоть кого-нибудь. Эрика я нашла изучающим свет на большом зеленом экране, таком же, какой всегда имеется в студии новостей; на него проецируют городские пейзажи.

– А, вот и вы, – сказал Эрик. – Можем начинать?

Эрик с профессиональной уверенностью расположил меня так, как я должна была выглядеть на рекламном фото: я сидела на табурете, а локтем опиралась на какую-то подставку. Эрик ничуть не смущался, он клал руки мне на плечи, поворачивая меня так и эдак. А я... я наслаждалась этим. Я воспринимала все как нечто... почти расслабляющее.

– Вот так хорошо. Правильная поза. Да, отлично, – пробормотал Эрик в видеоискатель. – Теперь сложите руки, ага, так. Плечо на меня. Чудесно. То, что надо. Чудесно. Просто чудесно. Весьма. Весьма.

Я позировала перед его объективом так же, как делала это миллион раз прежде, и в то же время я позировала... ну, немножко для Эрика. Он как будто пробуждал во мне некую чувственность и отвагу.

– Замечательно, Соланж. Попробуем другой наряд.

– Да. Сейчас.

Я умчалась (*умчалась!*) обратно в спальню и надела красную мерцающую блузку, чтобы тут же вернуться на свое место перед зеленым экраном. Все это было как-то по-девчоночьи, головокружительно, слишком смахивало на съемку моделей. Я по-настоящему веселилась.

Я запрыгнула на высокий табурет, а Эрик сосредоточился на перемене освещения. Он встал передо мной, ужасающе близко, чтобы поправить прядь моих волос... ну, просто поправить. Когда он фотографировал, глядя на меня через видеоискатель, я чувствовала себя прекрасно. Однако теперь Эрик смотрел на меня сверху вниз так, как мужчина смотрит на женщину, он слегка изогнулся, держа в одной руке массивную фотокамеру, словно та ничего не весила, а другой почесывая затылок, и я чуть не свалилась с табурета.

– Вы очень естественно выглядите в объективе. Я хочу сказать, это очевидно, когда вы работаете. Но вас еще и очень легко фотографировать. Отлично получается под любым углом.

Клик-клик-клик...

– Спасибо. Да, понимаю, – сказала я.

Не заходил ли он слишком далеко? У меня было именно такое ощущение, но я невольно почувствовала себя польщенной.

– Я не хотел вас как-то задеть.

– Задеть? Ну что вы, я ничуть не задета, – возразила я. – Думаю, просто я иной раз сопротивляюсь комплиментам.

– Почему?

Клик-клик-клик...

Эрик двигался взад-вперед передо мной со своей камерой, то и дело пересекая поле моего зрения, как маятник.

– Не знаю. Наверное, мне просто хочется, чтобы меня воспринимали серьезно.

Он сделал еще несколько снимков, на этот раз подойдя ближе.

– Вы думаете, если женщина сексуальна, то ее не воспринимают всерьез?

– Конечно, – кивнула я. Но сама-то я верила в это?

Эрик улыбнулся в видоискатель.

– Я лучше себя чувствую, когда рядом нет моих коллег по работе, – призналась я.

– Люди наедине с собой менее сдержанны. Им легче быть собой. Поэтому я и предпочел сделать ваш групповой снимок именно таким образом. Потом соединю вас всех в «Фотошопе». Так, мне хочется еще поснимать, пока солнце светит, – сказал он, всматриваясь в меня поверх камеры, и прядь его волнистых волос упала на серые глаза.

Я обратила внимание на длинные тени, скользившие по деревянным доскам пола. День подходил к концу. Я также заметила вдруг, что светловолосой помощницы нигде не видно, а из скрытых динамиков льется тихая джазовая музыка. *Мы что, остались здесь одни?* Я прижала ладонь к животу, ощущая легкое головокружение, возможно, от голода. Где тут столик с бутербродами-канапе? Вроде бы Марша о них упоминала?

– Соланж, мне бы хотелось увидеть вас в чем-нибудь таком, что вы не надеваете на работу. *Что?!*

– Ох! Ну, я не взяла ничего такого, кроме...

– В чем-нибудь таком, что проявит ваше истинное «я». Не рабочее. – Он пристально посмотрел на меня, как будто бросал некий вызов.

– Я уже сказала, что не принесла каждодневной одежды. Зачем?

И тут началось нечто странное.

– У меня есть кое-какие вещи, которые вы могли бы примерить. Они висят в моей спальне. Посмотрите, вдруг вам что-нибудь понравится.

Какого черта?!

Но Эрик совершенно беззаботным тоном добавил:

– Если, конечно, ты принимаешь Шаг.

И тут же он щелкнул затвором фотокамеры, без сомнения запечатлев отразившееся на моем лице изумление. В комнате стало совершенно тихо, лишь что-то едва слышно поскрипывало наверху. Да еще мое сердце оглушительно колотилось в груди.

– Так вы из тех мужчин, которые...

Эрик кивнул с абсолютно безмятежным видом. Он задумчиво посмотрел на меня, опустив фотоаппарат.

– Вы разве не спите только с фотомоделями?

– Уверяю тебя, я никогда не путаю работу и поцелуи. Так как?

– Так.

– Значит, ты принимаешь Шаг, Соланж?

Когда он улыбался, вокруг его рта и глаз возникали морщинки. Я соскользнула с табурета. Ноги у меня были как ватные.

– И какой же это Шаг?

– Смелость, – ответил он, и его свободная рука теперь скользнула под его футболку, легла на живот. Может, он тоже нервничает?

– Да уж, смелость мне определенно понадобится.

– На то и Шаг.

– Ладно, хорошо. Тогда почему бы мне не надеть что-нибудь более удобное? – выпалила я очень, очень быстро и направилась в спальню Эрика.

Закрыв за собой дверь, я сделала глубокий вдох. Все происходило уж слишком стремительно. Первая фантазия осуществилась в привычной для меня обстановке, то есть дома, и все было чудесно. Но сейчас все передвинулось в рабочую сферу, и это заставляло меня нервничать. Я осмотрела комнату. Что-то в ней изменилось. Вешалка, на которой висели мои деловые блузки, исчезла, на ее месте появилась другая, с целым рядом легких, скользящих, почти прозрачных штучек, украшенных перьями, массой кружев, бантами. При ближайшем рассмотрении я обнаружила еще и бюстгалтеры, и трусики, по большей части черные, но кое-где отделанные красным и белым. Белые были элегантно, дорогим: коротенькие ночные сорочки, тончайшие пеньюары, длинное прозрачное черное платье, а под ним, на белом полу, стояла пара роскошных черных туфель без задника, украшенных перьями. На кровати лежал толстый белый махровый халат. На туалетном столе красовался еще один бокал охлажденного шампанского, который я и осушила (что для меня было удивительно), осушила с благодарностью и почти одним глотком.

Что я такое затеяла? Похоже, я собиралась заняться сексом с черт знает каким соблазнительным фотографом, но сначала он собирался сделать несколько эротических снимков. Использовать меня в качестве модели. В этих вот изумительных нарядах!

Я сняла с вешалки прозрачное платье и поднесла к окну. Святое дерьмо! Я бы никогда не купила себе ничего подобного. Когда бы я могла такое надеть? Я подумала о Джулиусе, о тех временах, когда мы были женаты. Если бы я появилась в нашей спальне в таком вот наряде, он бы просто расхохотался. Не для того, чтобы меня обидеть, а как бы говоря: «Детка, тебе незачем вот так для меня наряжаться!» Я представила, как мне стало бы обидно. Зачем смеяться, когда я стараюсь быть сексуальной для него. Именно так много позже советовал нам вести себя дорогой консультант по вопросам семьи и брака?

И тут же я начала воображаемую ссору со своим бывшим мужем, ощущая знакомый всплеск гнева, такого, который заставлял меня бросаться в ванную и с грохотом захлопывать за собой дверь, крича: «Забуди!» А Джулиус, конечно, тут же прокричал бы в ответ: «Соланж! Ну же, иди сюда, я просто пошутил! Ты прекрасно выглядишь!»

Да пошел ты, Джулиус!

Я прекратила мысленный скандал. *Черт побери, это вовсе не для Джулиуса и, по правде говоря, даже не для Эрика. Это для меня самой!*

Я быстро сняла рабочую одежду, выбрала длинное черное прозрачное платье и осторожно надела его через голову, удивляясь прочности ткани. Кисея колыхнулась вокруг моих ног, пояс в стиле ампира лег под грудь. Я боялась даже посмотреть на себя в зеркало, но сделала это...

Вау! Отлично.

Я не только выглядела сексуальной. Я чувствовала себя такой.

Я могу это сделать!

Но шаг к зеркалу заставил меня испугаться. Я буквально видела сквозь ткань собственные соски! Я инстинктивно прикрылась руками.

Вообще-то, я не могу этого сделать. Я не могу просто выйти вот в таком виде.

Я снова оглядела вешалку, изучила все эти чудесные эротичные вещи. Я подумала об Эрике, о его руках, о том, как мои пальцы коснутся его волос. Снова посмотрела на себя в зеркало. Все эти годы одиночества, годы работающей матери и очень много работающей матери, похоже, лишили меня способности просто играть.

Послышался мягкий стук в дверь.

– Соланж? Как ты там?

Шампанское согревало мою кожу.

– Сейчас выйду.

Я сунула ноги в туфли на каблуках, сосчитала до пяти. *Посмотри на себя в этом черном negligée. Ты действительно собираешься это сделать, всерьез?*

В последний момент я протянула руку к купальному халату и набросила его на себя.

Детский поступок.

Ну же! Просто выйди за дверь. Осторожно ступая в непривычных туфлях, я подошла к двери и открыла ее. В глаза мне ударили бившие в окно лучи садившегося солнца.

– Я здесь, Соланж.

Я пошла на звук его голоса, и каблуки глухо постукивали по деревянным доскам. Я заглянула за перегородку и увидела Эрика, склонившегося над явно очень дорогой фотокамерой, установленной на штатив. Эта камера была совсем не похожа на ту, которой Эрик делал предыдущие снимки. И задник тоже был другим, на этот раз темно-синим, а на невысоком подиуме были разбросаны яркие подушки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.